

Наталья Болтовская

Тайна Старой Ратуши

В разгар пандемии Мария Скворцова отправляется в командировку в небольшой город Сортавала в республике Карелия. Кто же мог знать, что она угодит в самую гущу расследования убийства!

Часть первая

Часть первая.

Маша Скворцова торопливо шла по заснеженной улице в неярком свете фонаря. Нужно было спешить. Она опаздывала на встречу со Стройко. Он не любил этого, она знала, но разговор с подругой и по совместительству главой архива на Аландских островах в Финляндии, вышел интересным и содержательным, что прерывать его на полуслове категорически не хотелось. Хелена поведала Скворцовой занимательные детали, которые не так просто найти в русских источниках. Девушка была уверена, что исторические здания, в каком бы аварийном состоянии они не находились — следует восстанавливать. Хелена согласилась со своей русской подругой и помогла разработать план по спасению старой Ратуши.

Старое здание ратуши в Сортавала стояло уже несколько лет бесхозное. Когда-то давно в нем располагалась библиотека, Скворцова это помнила. Во время каникул она каждую неделю забирала оттуда стопку новых книг. Библиотекари привечали девочку и часто подкидывали ей произведения не по строгому списку, выданному в школе. Машина мама только улыбалась — десятилетия назад эти же работники печатного слова выдавали те же самые томики ей самой.

Библиотека выехала из аварийного здания почти десять лет назад, и с тех пор красивое здание руки архитектора Франса Шёстрёма пустовало. Несколько лет назад благотворительная организация начала собирать средства для реставрации, но то ли не насобирала, то ли собирала, но себе. Ратуша с каждым годом все ветшала и ветшала, деревянные стены кое-где провалились внутрь, колонны норовили рухнуть. От былого величия оставалась лишь задумка финского архитектора, которую украшал герб да местоположение — прямо у залива. Этим всем и вдохновился Петр Иванович Стройко — главный заказчик маркетингового агенства «Фантазия», где Скворцова трудилась копирайтером. Ему пришла в голову светлая, можно сказать, идея. Открыть в Сортавала люксовый спа-отель, в который будет стекаться весь свет российского телевидения и политики. Его «проходные» турбазы, как он сам говорил, в Карелии приносили хороший доход, но хотелось ему чего-то особенного. В поиске этого чего-то особенно Мария помогала как могла: собрала историческую справку по всем зданиям, к которым мог бы проявить интерес Стройко, набросала рекламную кампанию для каждого из них. Но вот незадача, Петр Иванович искал легких путей: так и или иначе кого-то из этих зданий пришлось бы выселять, да выселять по закону, а по закону делать дороже стоит. Это Стройко знал и выбрал именно здание Старой Ратуши. Бесхозное — значит, можно снести легко и новое построить еще легче. Никто не хватится, а хватится, так мы задобрим, уверил Скворцову Петр. Построить люксовый отель напротив залива, что же может быть лучше?

Маша, как могла, этой мысли сопротивлялась. И из-за сентиментальных соображений (мама ее тут же хватилась за сердце, когда дочь рассказала о планах клиента) и из-за соображение исторических. Ей претила мысль, что о старом не заботятся, дают разрушаться (вспомнить только фасады в Петербурге, завешанные строительной сеткой!). Она непременно хотела спасти, восстановить, увидеть былое во всей красе. Хелена в долгом разговоре поведала ей, что архитектор Шёстрём помимо Ратуши в Сортавале и здания народной школы в Выборге, спроектировал еще и ряд значимых зданий в Хельсинки и

других городах. Всего строений в Финляндии осталось семь, и было бы непростительной ошибкой взять и снести Ратушу, которая в свое время служила центром всего города. Маша с подругой была согласна. Осталось втолковать это Стройко, но вместе они придумали замечательный, как показалось спасительницам план. Стройко должен был на себя взять реставрацию Ратуши — Петр Иванович крутился в обеспеченных кругах, и если своих средств ему бы не хватило, его именитые друзья непременно раскошались бы на благотворительность. Хелена дополнила, что при надобности можно и в Финляндии архитектурное сообщество подключить. И тут всем, по плану Марии и Хелены, было бы хорошо: Ратуша спасена, опять же международные связи подключены. Стройко благодетель, за что администрация города непременно отблагодарила бы его. Например, выселила бы лесничество из здания бывшей гостиницы «Пяйвола». Из постройки, изначально спроектированной под гостиницу, сделать отель будет гораздо легче.

Маша бежала. Нет, летела по протопанным дорожкам. Снег, шедший стеной всю прошлую неделю, закончился. Теперь он лежал аккуратными сугробами по бокам от прохода, проложенного горожанами. На дворников надежды не было — они все время против чего-то бастовали, отчего лопаты и метлы скучали в углу. Наконец, дворами она вышла на знакомую улицу. До Ратуши-библиотеки было уже рукой подать. Маша глянула на часы — на пятнадцать минут она задержалась, но уверена была, Стройко в этот раз ругаться не будет.

Калитка легко поддавалась. Маша вошла во двор, оставив позади тихую улицу. Чуть слышны были голоса — лед в этом году на озера встал рано и крепкий, и местная детвора обустроила под ледяную площадку. Ко входу вели многочисленные следы. Скворцова слышала от старожилов, что заброшенную постройку облюбовали наркоманы и бездомные. Она слегка поежилась. Лучше бы со Стройко назначили они встречу на утро. Но хозяин — барин, да и Маше нетерпелось доложить клиенту свои идеи.

В Ратуше пахло плесенью. Маша огляделась. Надо же — полки на месте. Вот с них лет двадцать назад она брала книги, бережно несла их на стойку регистрации, а потом домой, где читала до позднего вечера в ярком свете северной белой ночи. На месте и диванчики, на которых коротали время местные бабушки — обсуждали новости последних выпусков газет. Все на месте, но от всего веет ненужностью. Маша вздохнула.

— Петр Иванович, вы тут? — робко спросила она у темноты. Темнота не ответила. Где-то раздался звук, похожий на звук бьющегося стекла. «Странно, — заметила Маша про себя, — я-то думала, что тут окна все уже давно разбиты».

— Петер Иванович? — еще раз негромко произнесла Маша. Она включила фонарик на смартфоне. Света он давал немного, больше придавал тревожности неясным мерцанием. Скворцова двинулась вглубь здания. В этой части она раньше не бывала: библиотекари строго следили за тем, чтобы в часть здания, где располагался архив и контора, читатели не попадали. То там, то здесь лежали книги. Забытые, распухшие от дождей, растрепанные ветром и никому ненужные. Маша обводила взглядом комнату. Стройко нигде не было видно. Она выключила фонарик на телефоне, чтобы позвонить ему. К своему удивлению мелодичная трель раздалась совсем поблизости. Девушка двинулась на звук.

В следующей комнате обнаружилось что-то вроде комнаты отдыха — круглый стол посередине, с потолка свисают остатки красивой хрустальной люстры, у окна — диван. В этой комнате Маша раньше не бывала — она была закрыта для посетителей и открывалась лишь на недолгие часы редких политических дебатов. На диване сидела большая фигура, и

Скворцова с трудом узнала своего клиента. Скворцов сидел, опустив голову на грудь, руки плетями свисали по бокам.

— Петр Иванович, вы заснули что ли? Не так уж надолго я и опоздала, — возмутилась девушка. Она приблизилась к дивану и легонько толкнула мужчину в плечо. Тот повалился на сторону, что-то громко звякнуло об пол.

Маша в ужасе закрыла рот рукой. Петр Иванович Стройко был очень и очень мертв.

Ни в силах даже закричать Скворцова судорожно вспоминала, куда звонить. Ноль два или ноль один? Номера телефонов часто менялись, а набирать их, к счастью, приходилось нечасто. Как тут запомнить? Маша вздохнула, взяла себя в руки. В памяти всплыл номер 112.

Полиция приехала на удивление быстро. Уже через 15 минут Скворцова объясняла молодому парню в форме всю ситуацию. Тот неровным подчерком что-то чиркал в блокноте, мэкал и все время спрашивал:

— А вы-то, вы, кем потерпевшему приходитесь?

— Ну я же говорю вам, — терпеливо повторяла Скворцова, — это наш клиент. Клиент агенства, где я работаю. Петр Иванович Стройко. Он из Петербурга. А я из Петрозаводска. Работаю в рекламном агенстве «Фантазия».

— Фантазия, вот и нафантазировали тут, — строго оборвал ее страж закона, — паспорт предъявите.

— Паспорта у меня с собой нет, он дома. То есть на даче. Дача у нас тут, а дом — в Петрозаводске, — окончательно растерялась Маша.

— Паспорта нет, труп — есть, — с удовлетворением протянул полицейский. — Пройдемте, гражданочка, в отделение до выяснения обстоятельств происшествия и вашей, так сказать, личности. Если она имеется. — Полицейский хохотнул, сам довольный своей шуткой. Он тронул Машу за локоть, направляя ее к выходу. Она инстинктивно отдернула руку. Человек в форме строго на нее глянул.

— Гражданка, пройдемте, не то наручники на вас сразу натяну.

Маша покороно побрела рядом. Через несколько секунд она смотрела на знакомные улицы с заднего сидения полицейской машины. «Похоже, докатилась ты, Скворцова», — подумала она сама про себя.

Стены в отделении были до половины выкрашены масляной краской болотого цвета, вторая половина была добросовестно побелена. Полицейский усадил Машу напротив себя, достал блокнот и начал одним пальцем набивать на клавиатуре записанное. Скворцова нетерпеливо ерзала на стуле — ей хотелось домой. Из полицейской машины она позвонила маме, та спохватилась и пообещала паспорт привезти как можно скорее.

Полицейский смотрел в экран компьютера. Краем глаза Маша видела, что тот неловко заполняет протокол. Мышка плохо слушалась, как впрочем и орфография — программа то и дело подчеркивала красным написанное. Молодец ругался, перепечатывал снова. Процесс был бесконечный и доводил служивого до иступления. Он зло зыркал глазами на Скворцову, вздыхал и, наверное, думал, какого черта ему на ночь глядя свалилась на голову эта девица из Петрозаводска вместе с трупом из Санкт-Петербурга.

Дверь в кабинет открылась, зашла молодая девушка. Форменный пиджак был помодному наброшен на плечи, светлые волосы разбросаны по плечам. «Небрежный шик даже в участке», — усмехнулась про себя Маша.

— Сергей, на орудии убийства отпечатков уйма. Не определить. Нужна более детальная

экспертиза. Я отправила запрос в Петрозаводск, но сам знаешь, у них работы много. До завтрашнего вечера можно забыть.

— А задержать гражданочку мы пока не можем? — Сергей с надеждой посмотрел на коллегу.

— Нет, оснований недостаточно, — вздохнула девушка. — Там отпечатков минимум от 10 человек, нанести удар мог любой.

В дверном проеме маячила беспокойная мамина голова, за ней ободрительно-тревожно улыбался Семен Алексеевич. Маша облегченно выдохнула. Похоже, коротать ночь в участке ей все же не придется.

Глава 1

Одной неделей ранее

Глава 1

Троллейбус жалобно тянулся вдоль главной улицы: побряхтывал как старичок, еле удерживал усы на рельсах и раскачивался из стороны в сторону от малейшего порыва. Внутри было холодно. Проржавевший металл, сломанные сиденья, окна, в которые врывается беспардонный северный ветер. Это был из закупленных на распродаже в Москве монстров — столица распродала негодное старье в регионы за бесценок. Горемыка-троллейбус, вздыхая, докатывал свои часы по февральским улицам.

— Женщина, маску на нос наденьте! — неприятный женский голос вывел Машу Скворцову из полузабытья. По дороге с работы Скворцова задремала — день выдался суматошный, и маска предательски опустилась на рот. Девушка встрепенулась, поправила маску и уставилась в окно. Обращение «женщина» резануло слух. В темном зимнем окне Маша увидела только свои глаза — усталые, и даже какие-то безжизненные, тушь комками обвалилась, рисуя уродливые синяки, плавно переходящие в маску. «Чертова маска, когда же это уже все закончится», — обреченно подумала Маша.

Эпидемия, начавшаяся в начале 2020 года, не собиралась сдавать позиции. Один за другим города и даже целые страны уходили на локдаун, оставив надежду на нормальный Новый год и настоящие зимние каникулы. Ожившие было летом кафе и рестораны снова работали по укороченному режиму, многие и вовсе закрывались, не выдержав напора второй волны. Школьников вновь переводили на удаленку, от которой устали все — и дети, и родители. Последние в отчаянии вбивали в головы непутевых учеников главы учебников после основной работы. Студенты неделя через неделю уходили на карантин. Карта заболевших в городе обновлялась ежедневно — ядовитый значок красного вируса появился уже почти на каждой улице. Все больше компаний уходило вновь на удаленку. В новостях то и дело мелькали новости о том, что вакцина еще не поступила в регионы. Это была правда, Маша безуспешно пыталась записаться на прививку в районную поликлинику. Грустный голос на другом конце провода сообщил, что вакцины нет, но ее поставят в лист ожидания.

Бизнес трещал по швам. Маша вздохнула. Начальник на работе сегодня заявил, что удаленная работа светит только тем, кто от работы отдохнуть хочет вообще, то есть — уволиться. Она трудилась в рекламном агентстве «Фантазия» старшим копирайтером и разумно полагала, что для качественного выполнения ее работы ей требовался только компьютер. Андрей Степаныч, или Сова, как его прозвали за толстые стекла в очках, был с этим в корне не согласен.

— Откуда я знаю, что ты там, Скворцова, дома делаешь? Ты, может, там по три часа чаи распиваешь или на диване лежишь, этот, как его «Модный приговор» смотришь. Как я, скажи мне, тебя при работе из дома контролировать могу? — Сова внимательно смотрел на Машу сквозь свои окуляры, та чувствовала школьницей, застуканной за прогулами.

— Андрей Степаныч, я вам говорю. Я все делаю. Я весной хоть один проект задержала? Я все до несколько дней до дедлайна сдавала. Сейчас ситуация такая, даже губернатор говорил, что нужно всем по возможности работать удаленно. Так вот я, как специалист с почти пятнадцатилетним стажем, вам говорю — у нашей компании работать удаленно есть. Компьютеры у все переносные, телефоны есть. У нас полкомпании с родителями живет, а

для пожилых вирус опаснее, чем для нас с вами. А вторая половина с детьми-школьниками живут, вы не знаете что ли, что дети — бациллы ходячие как есть. Они там не только коронавирус принесут, а все, что хочешь.

Сова развел руками:

— Все, Маша, разговор окончен. Мы в первую-то волну еле-еле продержались, теперь работать надо. Тем более, губернатор говорит, вон, что пора к нормальной жизни возвращаться. Даже «65 плюс» уже из дома выпускать разрешают понемногу.

Весной компания худо-бедно продерждалась, урезав зарплату сотрудникам до пятидесяти процентов. По доходам это, конечно, ударило сильно. Маше вновь пришлось перебраться к маме — денег на оплату ипотеки не было. Продавать квартиру тоже не хотелось, но тут, на счастье, в город хлынули москвичи и петербуржцы. В надежде переждать пандемию столичные жители перебирались в провинцию. Маша быстро нашла арендаторов, которые платили столько, что хватало на оплату банку. Знакомые пугали ее, что жильцы раздолбают ее новенькую двушку в новом районе, но Мария только отмахивались — вряд ли семья из бабушки, мамы, десятилетней дочки и наглого кота разбомбит квартиру так, что ее нельзя было бы восстановить ремонтом. Скворцова была довольна — аренду платили вовремя, не шумели, соседи не жаловались. Когда попросились продлить аренду до Нового года, а потом и до лета, Маша, не раздумывая согласилась. С мамой они жили мирно, а денег больше не стало: компания уже с августа работала на месте и на полный день, но на просьбы увеличить снова зарплату до положенного, начальник только отнекивался.

— Где я вам зарплаты возьму, скажите спасибо, что не увольняю никого.

Все, конечно, работали, но командный дух пропал. Секретарь минимум три раза в день скорбным голосом зачитывала новости с городского портала. Катя, ближайшая Маша коллегa, несколько раз в день грела чайник, заваривала растворимый кофе и шумно его отхлебывала, пролистывала соцсети, изредка отвлекаясь на работу. Сама Скворцова тоже работала вполноги: параллельно с работой в «Фантазии» она занималась переводами. Если до кризиса ее доходы от перевода были «лишними» деньгами, которые она тратила только на свои собственные прихоти и путешествия, то теперь служили хорошей опорой для ежемесячного бюджета. Тексты в основном были технические, скучные. В былые времена Маша бы таким заниматься не стала — она всегда предпочитала художественные переводы, но гонорар всегда приходил вовремя, а это в сложившейся ситуации было важнее всего.

Заказов у «Фантазии» было немного, и те, как знала Скворцова, Андрей Степаныч находил с большим трудом. Можно понять, почему он не хочет уходить вновь на удаленку. Весной бизнес висел буквально на волоске, но Сова каким-то чудным образом устроил контракт с компанией, которая владела несколькими базами отдыха в Карелии. Туристы, которые раньше поехали бы в Финляндию, теперь довольствовались отечественной заменой на Ладожском и Онежском озерах. Собственно, над продвижением родного края и трудилась теперь Маша. Заказчик ей нравился, продукт был хороший, да и путешественники в обиде не оставались. Проект был некрупный, но позволил агенству остаться на плаву, однако же сто процентов времени ни у одной из сотрудниц не отнимал.

Под конец дня секретарь, зачитав заключительную сводку новостей, печально подняла глаза на сидевших в кабинете.

— Нам, наверное, срочно всем закрываться пора снова, хотя бы пока не привьемся. Чего Сова тянет. Дождется, что кто-то из нас заболеет. Надо с ним поговорить.

Она поднялась со своего места, расправила юбку, обвела взглядом всех присутствующих и с достойным видом отправилась к начальству. Андрей Степаныч, единственный из всех, восседал в своем кабинете.

— Андрей Степаныч, можно войти?

— Да заходи ты, Ксюша, чего мямлишь.

Ксюша зашла в кабинет, дверь оставила чуть приоткрытой, чтобы разговор было слышно всем.

— Андрей Степаныч, там в газете пишут, что тридцать процентов работников перевести на удаленку нужно всем компаниям. Нам, наверное, тоже надо определить, кто будет работать тут, а кто из дома. Говорят, что в каких-то компаниях сотрудники меняются неделя через неделю.

— Говорят, что кур доят! — резко оборвал ее Сова, — Так, голубушки, вы видимо не понимаете.

Начальник резко вышел из-за своего стола, вылетел из кабинета в общее помещение. Оглядел все свои наемные шесть голов.

— Вы все девки у меня молодые, некурящие, что вам короновирус. А бизнес наш бросать нельзя. У нас клиенты. Я все ноги сбил в поисках новых заказов, так что никакой работы из дома, кумушки, — Андрей Степаныч глянул грозно на всех сотрудниц. — Я вам говорю, что пусть меня гром на месте разразит, но мы на удаленку больше не перейдем. За вами тут-то глаз да глаз нужен. Вон Катька аж палец о мышку стерла, пока «вконтакте» весь пролистала.

Тирана закончилась. Сова сердито посмотрел на сотрудниц, равзвернулся на каблуках и вернулся в свой кабинет, хлопнув дверью.

— Уморит он нас, всех уморит, — жалобно произнесла Ксюша и стала собираться домой. Катя густо покраснела и спешно закрыла страничку социальной сети. Мария задумчиво посмотрела в окно, где снегопад набирал обороты. «Работа есть, зарплата приходит — уже хорошо», — мысленно утешила она сама себя.

Медленно, но верно троллейбус пробирался к нужной остановке. Уже почти год Маша жила с мамой. Весной прошлого года, прикинув все варианты, Скворцова предложила либо маме переехать к ней, либо ей переехать к маме, а вторую квартиру сдавать. Вместе и веселее, и экономнее.

— Машенька, ты меня извини, но я в своем возрасте, кроме дачи, никуда не переезжать не хочу, да и то — только на лето. Уж лучше ты ко мне. Твоя комната-то почти нетронутая стоит, я там только цветов понаставила, ну да ничего, мы их по квартире распределим. Это была правда. С тех пор как Маша съехала в собственное, ипотечное, жилье, мама хозяйствовала в большой трешке одна. Обитала она в основном в спальне, большой комнате и на кухне. Машина комната использовалась в качестве ботанического сада. Письменный стол, диван и комод постепенно погружались в джунгли неведомых растений.

В начале апреля Скворцова сдала квартиру и вернулась в отчий дом.

Вдвоем было не так тревожно следить за новостями, хозяйство тоже спорилось. По утрам Скворцова — старшая просыпалась раньше, «старческая бессоница», говорила она. Мама варила кофе, обязательно овсяную кашу и красиво нарезала сыр с белой булкой. Когда Маша приходила к столу, завтрак ждал ее в полной готовности, как раньше, когда она еще училась в школе. После завтрака Маша отправлялась обратно в свою комнату, садилась за

письменный стол, купленный еще к восьмому классу и начинала работать. Мама в это время устраивалась в другой комнате — там около окна она оборудовала себе рабочее место. В обычное время ученики приходили к ней домой, где за большим столом объясняла ученикам основы грамматики английского языка. Теперь же после завтрака Анна Ивановна Скворцова, заслуженный учитель Карелии, открывала программу «Скайп» и уже по видеосвязи обучала своих подопечных. Те напрополую пользовались удаленкой, чтобы лодырничать.

— Аниванна, у меня интернет подвис, сейчас перезагружусь, — и незадачливый ученик пропадал из кадра и подключался вновь, когда до конца занятия оставалось минут 10, как раз, чтобы успеть записать задание на следующий раз. Анна Ивановна смеялась, но спуску таким ученикам не давала тоже — задания проверяла внимательно, а если интернет уж слишком часто зависал — звонила родителям. К таким крайним мерам прибегала она нечасто, за что ученики любили ее, но иной раз так и норовили воспользоваться добротой пожилой учительницы.

Карантин Анне Ивановне принес, как ни странно, и дополнительную на работу — люди, взвывшие от скуки весной, кинулись проходить всевозможные курсы для улучшения качества посткарантинной жизни. Вот и Скворцова-старшая пристроилась в он-лайн школу и теперь преподавала английский не только школьникам из соседнего двора, но и взрослым ученикам, которые жили по всей необъятной России. Она хотела в школу пристроить и дочь — та отлично владела английским, шведским и немецким языками. Маша однако же наотрез отказалась преподавать. «Нервов никаких не хватит», но нашла халтуру по переводам. Так, копейка к копейке, мать и дочь зарабатывали себе на жизнь. Иногда даже хватало «на излишества» — так они называли финский кофе и другие контрабандные продукты. До карантина заморские угощения стоили недешево, а теперь с поднявшимся курсом и редкими завозами, цены на них взлетели до небес.

Все первую половину дня Скворцовы трудились, каждая в своей комнате, каждая за своим компьютером. Часа в четыре спохватывались, что забыли пообедать, наспех пили чай или кофе с бутербродами и сухарями и работали еще до шести. Вечера проводили по-разному, но почти всегда — очень дружно.

В конце мая мама объявила, что городскую квартиру нужно «законсервировать на лето», а им самим — переезжать на дачу в Сортавала. Дачей называлась небольшая квартира в деревянном с маленьким огородом неполадеку — наследство Анны Ивановны, оставшееся ей от ее мамы — Машиной бабушки. Маша вначале сопротивлялась — как она там будет работать! Но, поддавшись на уговоры, отправилась вместе с матерью на лето в Сортавала. К своему изумлению она обнаружила, что там ей работалось ничуть не хуже. Интернет работал исправно, вечерами они ходили гулять, а в выходные походничали в лесу. Лето пролетело незаметно, и Маше даже жаль было возвращаться в город.

Троллейбус остановился. Дребежжа, открылись двери. Выпавший снег скрашивал скудное вечернее освещение. Снег Маша любила, но настоящий, хрустящий. Как в детстве. Последние года утренний снег под вечер превращался в месиво, которое портит сапоги и настроение. Маша улыбнулась сама себе. Сегодняшний снег обещал продержаться еще несколько дней.

Дома приятно пахло. На кухне приветливо горел свет, что-то тихо шептал из телевизора в углу Андрей Малахов. Мама хлопотала над ужином. Маша заметила, что у них гости — соседка Антонина Михайловна сидела за столом и шумно прихлебывала чай.

— Машенька, пришла, дорогая! — заметила ее мама. — А у нас тут гости, Антонина Михайловна зашла. Маша незаметно состроила маме рожицу. Соседка Маше нравилась, но теперь же в ковидные времена, та приносила большую смуту в их дом, методично пересказывая статистику смертей из разных стран и предсказания — одно хуже другого.

— Теть Тонь, вы тут! Здрасти! — нарочито громко закричала Маша. Мама только закатила глаза и посмотрела на дочку поостроже.

— Здравствуй, Маруся, долго ты работаешь! — Она единственная из всех знакомых называла Скворцову Марусей.

— Так хорошо, что работа есть, тетя Тонь, — отропартовала бодро Маша уже из ванной, — времена-то сейчас какие.

— Ой времена, ой какие. Маруся, я сегодня новости смотрела, в Европе что творится, что творится. Я сегодня новости даже толком посмотреть не могла — люди мрут, как мухи, как мухи. Ничего не останется скоро. И никого.

— Да ладно, Тоня, так уж и никого, мы-то с тобой останемся, — ласково сказала Анна Ивановна, — ты поменьше телевизор смотри да интернет читай. Лучше давай ко мне на курсы или, может, еще учеников найди — а то тянешь двух-трех, конечно, время у тебя есть, вот и смотришь ужасы всякие.

Тетя Тоня посмотрела на Анну Ивановну. Женщины когда-то работали в одной школе, жили по соседству, дружили. Сейчас, глядя на них, сложно поверить было в то, что они практические ровесницы. Антонина Михайловна была всего на пару лет старше, однако выглядела по сравнению с Машинной мамой почти старухой. Из-за конфликта с начальством она рано вышла на пенсию, чему поначалу была рада. За пару лет успела отдохнуть и хотела было вернуться на работу в другую школу, но вот незадача — работники за пятьдесят никому не нужны, несмотря ни на какие их прежние заслуги. Анна Ивановна доработала до 65 лет, но и выйдя на пенсию, работать не прекратила — оставила себе в школе четверть ставки и стала заниматься репетиторством. Иногда она подкидывала учеников подруге — часто детям требовалась дополнительная помощь не только в английском, но и по другим предметам. Антонина Михайловна учеников брала, но с каждым годом все менее охотно, и все более охотно усаживалась у телевизора.

— Аня, ну ты сама что говоришь такое. Какие ученики сейчас? Они же мне эту заразу-то домой и принесут. Ты же знаешь, у меня сердце. И диабет. Я своих-то заставляю бахилы уже в подъезде надевать, занимаемся мы в масках, они в перчатках. А потом, как они уходят, я всю квартиру на два раза с хлоркой мою.

— Тоня, ну ты что, как в прошлом веке. Уже бы давно перевела всех на удаленку. Компьютер у тебя есть. Игорек тебе «скайп» установит или даже вот «Тимз». И будешь кого хочешь обучать физике своей. — Мама уверенно кивнула головой. Она была уверена, что подруге не хватает деятельности, и изо всех сил ей хотелось помочь.

Подобные разговоры проходили на их кухне с самой той поры, как Антонина Михайловна вышла на пенсию. В карантин соседка почти каждый вечер приходила к ним пить чай. Ее сын работал в Петербурге и за последний год ни разу не приехал в Петрозаводск. Анна Ивановна знала, что подруга чувствует себя очень одиноко, поэтому старалась поддержать ее, как могла.

Когда Маша была маленькой, Антонина Михайловна была для Анны настоящей опорой. Если бы не соседка, которая всегда вовремя выходила на лестничную клетку и звала их с Машей на чай с вареньем, кто знает, что стало бы с ней и с дочкой. Семья Скворцовых

переехала в новый дом в середине восьмидесятых. Образцовая семья, папа — инженер, мама — учитель и лапочка-дочка. Поселились они прямо напротив квартиры Антонины Михайловны, или просто Тони, как она просила себя называть. Она жила вместе с сыном, который был младше Маши на три года и три месяца, муж появлялся редко — служил капитаном на торговых кораблях. Женщины быстро сговорились. Через некоторое время Антонина заметила, что из соседней квартиры часто доносится приглушенный шум, и быстро догадалась в чем дело. По хмурному утреннему взгляду Скворцова-отца, по плохо замазанным синим подтекам на лице и руках у подруги, по испуганным глазам маленькой Маруси, которая при строгом отце боялась вымолвить и слово, но как только тот выходил за порог, превращалась в неугомонную болтушку. Теперь, едва услышав шум, Антонина уверенно звонила в дверь соседней квартиры.

— Аня, иди мне помоги с вареньем, а потом и чай попьем. И Машу с собой возьми, присмотрит за Игорьком, пока мы с тобой возимся. — И нетерпеливо брала подругу за руку, насильно уводя ее из дома. Они никогда не говорили о том, что происходит, когда соседка не успевает прийти или когда она бывает в отпуске. Узнав, что Анна Михайловна овдовела — отец Скворцовой ушел под лед во время зимней рыбалки, Антонина трижды перекрестилась и сказала «Отмучились».

Тетя Тоня посмотрела на Анну Ивановну.

— Игорек-то что, он в Петербурге. Он мне по телефону-то не объяснит. И не приедет еще сколько. — Губа у Антонины Михайловны предательски задрожала.

— Ну не Игорек, то Маша тогда. Она тебе поможет. Правда, Машенька? — мама ласково посмотрела на дочку, усевшуюся за стол.

— Конечно, тетя Тонь, хоть завтра, — кивнула Маша.

— Завтра. Тоже скажешь. Завтра только кошки родятся, — отмахнулась тетя Тоня. — Ты мне лучше скажи, что у вас в конторе говорят, что с работой-то будет?

— Работа-то будет, и есть, — уверенно сказала Маша. — Только на удаленку нас не переводят. Шеф говорит, что мы и так расслабились за весну.

— Да как так расслабились, — вспеснула руками Анна Ивановна, — только слышно из комнаты твоей «тук-тук-тук» по клавиатуре.

— Мам, ну так и я ему говорю, Сова, ой то есть, Андрей Степаныч, я дома точно так же, как в офисе работаю, и тексты выдаю ровно по расписанию. А он уперся рогом и в какую. Отчитал еще сегодня и меня, и Ксюшу нашу.

— Вот и Игорек мой говорит, что не хочет работников своих отпускать домой, бизнес у него пропадет иначе, говорит. Ох, Игорек мой. Маруся, он опять же женится у меня хочет. На него девки так и вешаются, проходу не дают. А он честный у меня — на всех женится.

Маша рассеянно посмотрела на тетю Тоню. В ее воспоминаниях ее так и остался субтильным мальчиком, жившим напротив. Теперь прежнего Игорька было не узнать в громком, толстом мужчине, который изредка приезжал к матери и хамовато ею командовал. Ей было удивительно, что такому, как выражалась тетя Тоня, девки проходу не давали.

— Да, Игорек мой говорит, что привезет новую пассию свою к лету, — продолжила соседка, — а осенью и жениться хочет... А мне-то что, главное, чтоб приехал, а пассия или нет. Мое дело маленькое. — Тетя Тоня грустно вздохнула и посмотрела в пустую чашку.

Анна Ивановка погладила подругу по плечу.

— Давайте ужинать. Я котлет наvertsела уйму. Маша, завтра на обед с собой возьмешь, а то питаешься там в своем офисе тоже не пойми как.

Маша даже чуть заурчала от нетерпения. Мамины котлеты она обожала.

Ближе к десяти вечера Антонина Михайловна вернулась к себе в квартиру. Маша с мамой разошлись по комнатам. Маша долго ворочалась на узком девичьем диване и размышляла о прошедшем годе. Весной всем, в том числе и Маше, казалось, что человечество стоит на пороге чего-то лучшего и нового, что может прийти только через испытание пандемией, то теперь, встретив 2021, все с горечью осознали, что мир остался прежним. Прошлое не ушло, будущее задержалось в дороге, оставив людей в неприятном и липком настоящем, пахнущем дезинфекторами. 2020 пронесся мимо, скомкал весну, лето и осень, украл Новый год. 2021 год не принес долгожданного облегчения.

Маша посмотрела на телефон. Новых сообщений не было. В мессенджере она нашла переписку со своим последним, так и не состоявшимся, романтическим героем. Полицейский с Аландских островов в Финляндии, Андерс Берг, что называется запал в душу во время совсем незапланированной поездки прошлым летом. Единственной ниточкой, тянувшейся из той невероятной недели стала дружба с Хеленой — сотрудницей аландского архива, где Маша провела много времени. Скворцова вздохнула. Она рада была общению с Хеленой, но в душе желала, чтобы сообщение ей наконец написал Андерс — полицейский, с которым, как ей казалось, у нее промелькнула искра. Андерс, однако, вниманием Машу не баловал. Изредка присылал по мессенджеру фотографии своего пса Руфуса, сопровождая их смешными надписями. В газетах пишут, что пандемия разрушила многие семьи, про себя Мария думала, что эта коронная напасть задушила в зачатке ее первый за годы намечавшийся роман. Теперь же — спустя полгода после путешествия, заграничная поездка казалось произошедшей во сне.

Скворцова перевернулась на бок к стене и снова, как в детстве, стала водить пальцем по замысловатому орнаменту обоев. Пальцем влево по нарисованному цветку, потом чуть вверх, затем вправо и резко вниз — к полу. Маша чувствовала себя глупо. Время от времени она писала Бергу сообщения, он всегда отвечал, иногда быстро, но чаще — через несколько часов. Она понимала, что его работа следователя требует полной включенности, и он не может отвлекаться на какие-то там глупости. Именно глупостью считала она ее влюбленность. Всего несколько дней они провели вместе, но казалось — знали друг друга всю жизнь, так легко текло общение. После поездки они ежедневно обменивались сообщениями. Постепенно яркого мигания мессенджера становилось все меньше, а Скворцова делалась все грустнее. Она утешала себя тем, что в этот раз зарождавшийся роман убило расстояние, а не она сама. Девушка наконец задремала, убаюканная грустными мыслями.

Глава 2

На следующее утро Скворцова пропустила два троллейбуса. Транспорт разрешено было заполнять только наполовину, и предприимчивые граждане орудовали локтями, пробивая себе место и отпихивая зазевавшихся. Начался мелкий противный дождь. Зима в Карелии переменчива. Еще вчера манила зимними забавами, сегодня смывает снег холодными каплями. Маша поежилась, посмотрела на часы, поразмыслила несколько минут. Затем грустно открыла зонтик и пошла в сторону центра пешком. За ней потянулись вереницы таких же менее удачливых пассажиров. Кто-то шел и тихо клял губернатора, ограничившего места в общественном транспорте, кто-то просто чертыхался, поглубже застегивая куртку.

Маша брела в сторону офиса. Уже не в первый раз за последние две недели ей приходилось проделывать путь на работу или обратно пешком. Тридцать минут в кромешной темноте утром и вечером. Скворцова в тайне надеялась на похудательный эффект от таких прогулок. Маша снова посмотрела на часы: помимо времени они отсчитывали и количество шагов. «Так, пока до работы дойду, как раз пять тысяч шагов будет», — довольно заключила девушка. Правда была в том, что, прибыв на место назначения, она вознаграждала себя чем-то вкусеньким. На работе у них всегда была заправка, хоть сухое печенье — и то было, а дома уж и подавно — мама, исправно ходившая в магазин в «пенсионерские часы», всегда приносила что-то к чаю. Этот факт Маша старательно игнорировала и каждый раз после прогулки пешком ставила жирный плюсики в графе «физическая активность» в ежедневнике.

В конторе почти никого не было. Только Катя. Она сидела и щелкала мышкой — обновляла городской портал для утренних новостей.

— Маша, привет! Пока нет никого. Может, чайник поставишь? — из-за монитора сказала девушка.

Мысль о кофе Машу приободрила. Она зашла в импровизированную кухню. С барского плеча Сова соорудил им закуток в углу, куда поставил мини-холодильник, чайник и микроволновку. Маша налила воды в чайник, заглянула в шкаф и расстроено охнула: в банке растворимого кофе осталось на доньшки, рядом притулилась пачка початого печенья, на поверку оказавшаяся пустой.

— Катя, я быстренько тут в магазин сбегаю. К кофе ничего нет, да и кофе нет тоже. — Маша на ходу натянула промокшую куртку и закрыла за собой дверь. Секретарь ее даже не услышала — на портале выложили сводки заболевших за последние сутки.

Выйдя из здания, знакомой дорожкой Скворцова отправилась в маленькую кондитерскую напротив. Ее Маша знала еще с детства — в школе после занятий во Дворце Пионеров они с подружкой заходили туда купить лакомство, которое они дружно поедали в ожидании троллейбуса. Она всегда брала кекс «Столичный», подружка — пироженое «Картошка». В двухтысячные кондитерская чуть расширила ассортимент — теперь они продавали чай и кофе, даже на вынос, и готовые салаты, которые с удовольствием покупали офисные работники округи.

Утренним часом в лавке было пустынно. Продавщица строго взирала на всех входящих через визир и призывала к порядку всех, у кого маска была надета не по протоколу. Машу она узнала и милостиво кивнула — та захаживала в кондитерскую часто.

— Мне, пожалуйста, банку кофе «Нескафе», кекс «Столичный» большой и, —

Скворцова задумчиво обводила прилавок глазами.

— Орешки бери, со сгущенкой, свеженькие — только сейчас привезли, — продавщица заговорчески подмигнула ей, как старой знакомой.

— Ну, давайте и орешки, — легко согласилась Маша.

В офисе народу прибавилось. Катя ловко расставила чашки вокруг своего стола, приглашая всех к утреннему оглашению новостей.

— Сегодня уже 505 человек, — загробным голосом сообщила секретарь.

— А я сегодня в автобус не влезла, — сообщила Ксюша.

— И я, — пискнула Скворцова. Обсуждать статистику заболевших не хотелось, во рту так и растекалось сгущенное молоко. Не обманула продавщица, орешки и прям были свежайшие. С начала сентября, когда все вернулись в офис на постоянку, каждое утро выглядело примерно одинакого.

— А Сова где? — встрепелась Маша.

— Сова? — переспросила Катя. — Сова не приходил еще, и не звонил. Странно.

Это и правда было странно. Сова всегда был крайне пунктуальным человеком, в офис являлся раньше всех, по стрелкам следя за своими сотрудниками. К работе своей он относился не просто ревностно, он буквально жил ею. «Фантазию» он основал сразу после выпуска из университета и стоял у руля уже больше пятнадцати лет. Без семьи и без детей на работе он дневал и ночевал, требуя от своих сотрудников такой же отдачи. Впервые за все семь лет Машиной работы в агентстве Сова не разгонял их утреннее затянувшееся чаепитие.

— Да, странно, наверное, проспал, — протянула Маша. Где-то в глубине зашевелился червячок сомнения.

— А может он этого того? — робко предположила Ксюша.

— Да Бог с тобой, чего того? Помер что ли? — уставилась на нее Маша.

— Ну, может, не помер, конечно, но заболел. Он вон, без маски туда-сюда мотается. Даже если не вирус этот дурацкий, то грипп-то никто не отменял. — важно отчеканила Ксения и отхлебнула кофе.

— Или запил, — предположила Катя. Помните, как пару лет назад?

Несколько лет назад Андрей Степаныч почти на неделю пропал с радаров. Сотрудницы переполошились и обратились в полицию. Сова нашелся на кухне собственной квартиры. В трусах и майке он сидел за столом, заставленным пустой тарой. Под столом вперемешку валялись окурки и упаковки от сосисок. Оказалось, Сову бросила девушка, с которой он встречался несколько лет. В один день она собрала вещи, сняла занавески по всей квартире и отправилась искать счастья в столице нашей Родины. После того случая Андрей Степаныч еще с большим рвением принялся за работу и ни капли не брал спиртного в рот.

В сумке зазвонил телефон. Девушки воспрянули.

— Алло? — бодро ответила Маша. — Здравствуйте, Петр Иванович, — она округлила глаза и посмотрела на коллег. Главный заказчик звонит. Скворцова кивала в трубку, изредка говорили «Ага», «Конечно», «Отправлю». С другой стороны провода невидимый, но требовательный Петр Иванович давал указания, Маше пришлось взять бумагу и карандаш и методично записывать.

— Да вы что? К нам приедете? Прямо в Сортавала? — неожиданно воскликнула девушка. — А к нам не заедете? Ага, конечно, понятно. — Маша положила трубку.

— Благодетель наш Петр Иванович бежит из Петербурга в Карелию. От вируса. И хочет

поселиться в Сортавала тут у нас, поближе к своим объектам. — повернулась Скворцова к коллегам. — И просит, чтоб Сова наш тоже туда на пару дней подъехал. Надо до него дозвониться.

— Да я уже, — встряла Катя, — но он на смски не отвечает, и трубку не берет. А что, в Питере совсем все плохо?

Маша задумалась.

— Говорит, что плохо. Все из города уезжают, как тогда, весной. Так, если до обеда Андрей Степаныч не объявится, поедем к нему домой.

Ровно в 12 Маша в очередной раз подняла трубку, чтобы поговорить с начальником. Они поочередно звонили ему и отправляли смс, которые оставались без ответа. Маша пообещала заказчику, что Сова непременно отправится в Сортавала. Осматривать объекты с заказчиком и составлять план продвижения. Теперь неплохо бы Сову найти.

Неожиданно телефон зазвонил сам. Экран высветил незнакомый номер. Андрей Степаныч звонил из больницы. Ночью у него поднялась температура, появилась отдышка. Скорая в кое-то веки приехала быстро.

— Так что я тут, Скворцова, похоже надолго. Результата нет еще, но, думаю, схватил я где-то этот вирус поганый. Схватил. Я заказчику сам позвоню. В Сортавала я, конечно, не поеду. Туда поедешь ты. И даже не думай сопротивляться, — Сова зашелся кашлем на другом конце. — Я тут при смерти, бизнес на волоске. Все, отбой. Справишься.

Вечером на маминой кухне Машу ждала привычная картина. Анна Ивановна хлопотала над ужином, тетя Тоня грустно пила чай.

— Мам, — прямо с порога объявила Маша, — мне в Сортавала надо ехать. Командировка. Я можно на нашей дачу поживу, все лучше, чем в гостинице.

— Машенька, но как ты там? Там же печка, ты как ее разводить будешь? — всплеснула руками Скворцова-старшая. — Давай-ка руки мой, нос не забудь промыть. Садись, да все расскажешь. Какая еще командировка? Тут на работу-то страшно выходить, надо по домам сидеть.

— Да, какое там по домам сидеть, — протянула тетя Тоня, — читала я сегодня на сайте нашем, что после Нового года туристам у нас так понравилось, что вот и поедут они снова. И на 23 февраля, и на 8 марта, и на майские подавно. Все к нам едут.

В подтверждение из телевизора раздался задорный голос: «Твой отпуск спасен, приезжай в Карелию гулять среди сосён». Услышав эту речевку, Маша поморщилась. Придумал ее Сова, и она до того пришлась по душе заказчику, что пришлось разместить ее на республиканских и, как оказалось, региональных каналах. Скосив глаз, Скворцова заметила, что карельский праздник жизни рекламируют на пятом, петербургском, канале.

Горькая правда резала слух. Гостиницы, рестораны, парки решили держать свои двери открытыми во время Нового Года. Владельцы потирали руки в предвкушении выгоды — туристам так понравилась самобытная природа Карелии, что бронировали прямо не отходя от кассы все праздники и длинные выходные наперед. Не оставаться же один на один со своими домочадцами — в этом режиме вся страна провела почти весь 2020 год, теперь можно и поездить.

Скворцова села за стол, мама тут же поставила перед ней тарелку. Маша вздохнула. За год жизни под маминым крылом она практически растеряла навыки взрослой жизни. На прошлой неделе не могла найти дуршлаг, чтобы слить макароны. Так и блуждала взглядом

по шкафу, пока Анна Ивановна не зашла в кухню и не выручила попавшую в бытовую ловушку дочь. Маша старалась быть хоть немного полезной в хозяйстве и все технические вопросы — оплата коммунальных платежей через «Сбербанк онлайн», преприательства с интернет-провайдером, сортировка и вынос мусора, большая закупка продуктов на неделю — взяла на себя. «А, может и хорошо, что я в командировку поеду, — подумала девушка, — там хоть навыки бытовые верну себе. А тут у мамы на всем готовом живу, а мне уже же почти 35 лет». При воспоминании о возрасте Маша вздохнула еще раз. Красивая юбилейная цифра приближалась, и ее это пугало.

— А Сова наш в больнице, сами знаете с чем, — выпалила Маша.

Мама и тетя Тоня подняли на нее глаза. Теперь все. Они все контактные. Что делать? Маша заметила, что тетя Тоня метнула взгляд на телефон, но тут же отвела глаза. Звонить в поликлику смысла нет, участковый к контактными не приедет, толковых инструкций от них тоже не получить — все оставалось на совесть и усмотрение граждан.

— Машенька, ну как же ты теперь поедешь? Ты же как по контакту проходишь, как и мы все. Нам надо дома быть. А ты из дома и работать можешь, Сова ваш все равно в больнице, а с девочками вы уж договоритесь, — Анна Ивановна посмотрела на дочь.

— Мам, надо ехать, иначе меня Сова с работы погонит, а сейчас сама знаешь, какая ситуация. Я на своих переводах долго не протяну. Да и с другой стороны, я там буду почти все время дома, только встречусь пару раз с заказчиком. Но этот наш Петр Иванович из Петербурга бежит, наверняка, сам уже и заразился. Как известно, минус на минус дает плюс. Вряд ли мы друг друга заразим. Я в маске буду, он тоже. Целоваться я с ним не намерена.

— Вот да, Игорек мой тоже говорит, что работу беречь надо, в такое время особенно, — встряла тетя Тоня. — Что ж, Маруся, видать, тебе надо и поехать. Только как мы тут с мамой-то твоей вдвоем.

— Тоня, но что ты каркаешь. На нас с тобой еще пахать можно, что нам сделается. Только, конечно, на выставку пока мы с тобой подождем идти, — Анна Михайловна ободряюще пожала локоть беспокойной подруги.

Маша насупилась. Случилось то, чего она боялась всю осень. Из-за работы она принесла вирус домой, к маме и тете Тоне, гражданам, кого в новостях называли «65 плюс». Шансы заболеть у нее самой, а по ее вине и у всех домашних были высокие. Соседка права, случись что с ними что, помочь будет некому. Игорек из Петербурга не примчит, а пока она сама доберется из Сортавала, драгоценное время уйдет.

— Так, мама, может, мы тогда все вместе в Сортавала поедем. Место там у нас есть. Вы с тетей Тоней на кровати большой ляжете, а я на диване. На кухне тоже места достаточно, да и вообще. Вместе веселее и безопаснее, — неожиданно для себя произнесла Маша.

Тетя Тоня изумленно взглянула на Маша. Анна Ивановна обвела взглядом сидевших за столом.

— А ты знаешь, Тонечка, это наша Машенька замечательно придумала. Уроки я смогу и оттуда вести, там мы интернет летом хороший провели. Тебе Тоня тоже занятие найдем, буду учить тебя онлайн преподавать. Втроем мы точно не пропадем, разделяться сейчас не следует. — Скворцова-старшая уверенно кивнула головой.

Решение ехать всей гурьбой утвердили почти сразу и единогласно. Антонина Михайловна хотела было выступить, что никуда из своей городской квартиры она не поедет, но быстро посчитала в голове, что как только Скворцовы упорхнут в Сортавала, она останется одна. Сын в ближайшее время к ней не приедет, учеников она принимать не

сможет. За последние девять месяцев почти каждый вечер она коротала в этой квартире под уютным светом зеленоватой лампы. Домой она почти не покупала продукты, неся основные закупки напрямик в квартиру напротив. Тетя Тоня рассудила, что ей в целом терять было нечего — сидеть ли на кухне в Петрозаводске или Сортавала, большой разницы не было. Главное, что ее хорошая компания брала ее с собой.

— Ну что ж, едем, так едем, — наконец произнесла Антонина Михайловна, — я в Сортавала ни разу и ни была.

Остаток ужина и весь вечерний провели за планированием. Для точного подхода тетя Тоня создала эксель-табличку на компьютере, куда ловко вбивала данные — когда поедем, на чем и что брать с собой. Аккуратно распределяла задачи среди трех женщин. Маше было поручено разобраться с транспортом и билетами, Анне Ивановне — составить список вещей, которые нужно взять, на себя Антонина Михайловна взяла непосредственно укладку вещей и инспекцию всего.

— Так, Маруся, — в голосе Антонины Михайловны прозвучали строгие учительские нотки, — ты завтра выясни, как нам доехать, я в газете прочла, что тем кто, «65 плюс» междугородний транспорт закрыт. Как выяснишь, сразу покупай билеты. Мы с Аней завтра все соберем и приготовим, сделаем необходимые закупки. Предлагаю выбираться не позже, чем послезавтра.

— Тонечка, да какие закупки, Сортавала же не дикий лес. Там магазины есть, скидки наши, пенсионерские, действуют. Не волнуйся.

— Аня, пакет гречки или риса лишними не бывают, купим хоть по паре каждого, — произнесла Антонина Михайловна тоном, не терпящим возражений.

Разошлись уже под вечер. Растревоженные и воодушевленные скорой поездкой каждая лежала в своей кровати. Маша размышляла, правильно ли она сделала, позвав с собой в командировку маму и тетю Тоню. Засыпая, она утешала себя тем, что втроем им справиться будет ловчее, и в совместном проживании обе они будут под Машиным присмотром.

Глава 3

Утром Маша сразу взялась за дело. Девочкам с работы объявила, что за компьютером закончит попозже, когда поедет выкупать билеты в Сортавала из кассы. Про то, что в командировку с ней отправятся мама и соседка, Скворцова умолчала. На телефоне она открыла расписание автобусов и обнаружила подходящий рейс на завтра. Отправление из Петрозаводска в 07.00, прибытие — в 14.30. Поехать на поезде было бы чуть дороже, но гораздо быстрее, но вот незадача. Трех свободных мест до конца марта уже не было: то там, то здесь проскакивало одно или даже два, но в разных вагонах, места, но трех уже не было. Маша быстро забронировала места в автобусе. На экране телефона выступила надпись: «Билет (ы) необходимо выкупить не позднее, чем через 24 час». Маша выдохнула и приказала себе вставать.

На кухне мама торопливо допивала свой утренний кофе.

— Антонина уже ждет меня. Договорились с ней пойти в магазин. Никак не верит мне, что мы все можем там на месте и купить. Мы с тобой даже и тушенку там еще оставили, помнишь, Машенька?

— Помню, конечно, — Маша отпила первый глоток кофе. «Черный элексир», как она сама называла кофе, был обязательным утренним напитком. Без него Маша отказывалась считать день начатым. Вот и сейчас крепкий напиток слегка обжег, а потом растворился теплом по всему телу. Мысли сразу стали стройнее, план действий на сегодня вырисовывался все точнее.

— Мамуль, — Маша откусила от бутерброда, — ты с тетей Тоней иди, но вы не закупайтесь, как на блокаду. Мы своим ходом до автобуса, и в Сортавала еще нам до дома идти. Можно, конечно, такси взять, и там, и там, но все равно. Купите всего по одной пачке для успокоения. А мы как устроимся, я там в магазин уже и схожу. Я сейчас поеду на автовокзал за билетами, потом в офис — за компьютером. Потом вместе собираться будем, завтра отправление в 13, поэтому из дома надо выходить примерно за час.

В дверь нетерпеливо позвонили. Мама кивнула.

— Это Тоня пришла, она мне сообщения уже с 6 утра шлет. Вот неугомонная на нашу голову попалась, — посетовала Анна Ивановна.

На автовокзале народ суетился. Подъезжали автобусы, выгружали пассажиров лишь за тем, чтобы через несколько минут принять в свое пропахнувшее бензином чрево новую порцию путешественников. Водитель лениво смотрел билеты входивших, не требуя паспорта. Маше эта деталь расхлябанности была на руку — так никто не догадается, что ее попутчицы принадлежат к категории, которой не рекомендовалось выходить дальше аптеки. В кассе работники оказались бдительнее.

— Девушка, я вам билет продам, а на ваших двух попутчиц нет — мы таких пока не возим. Пандемия пройдет, приходите и катите, куда хотите.

— Девушка, миленькая, я вас прошу. Это мама моя и тетя, мне их одних никак не оставить. По работе надо ехать, а они без меня тут ну никак не справятся. — Маша попыталась жалостливо протиснуть лицо в маленькое окошко, разделяющее ее и кассиршу.

— Не положено, — строго отрезала она.

— Ну, пожалуйста, может быть можно что-то сделать? Они без меня не справятся,

точно вам говорю. Они у меня знаете какие — у одной то сердце прихватит, у другой ногу. Они и скорую вызвать не смогут, если что.

Девушка в окошке нахмурилась и строго посмотрела на Скворцова. Подняла трубку и быстро переговорила с кем-то. Несколько мгновений спустя дверь в ее маленькую кабинку отворилась, и рядом с кассиром материализовалась женщина необъятных размеров. Грудь ее колыхалась при малейшем движении. Неловко она наклонилась к окошку и, протиснув ярко очерченный рот в маленькое отверстие, и спросила:

— Женщины «65 плюс» вам кем приходятся?

— Это мама моя и тетя, — Маша мысленно скрестила пальцы. Антонина Михайловна хоть по крови и не была ее тетей, но она знала ее большую часть своей жизни. Да и за последний год, когда соседка каждый вечер коротала у них дома, Антонина Михайловна стала частью их с мамой жизни.

— Ладно, — после раздумья произнесла необъятная, — мы вам билеты на всех продадим. Но учтите, в дороге вы за своих попутчиц в ответе. Если с ними что случится, наша транспортная компания не причем. И после, если кто из них заболит, хоть короной, хоть чем — к нам претензии не предъявлять. Согласны на такое? — очерченный рот строго отчеканил условия.

— Конечно, согласна. Спасибо вам большое, — с жаром произнесла Скворцова.

— Олечка, пробей билеты да и все, — властно распорядилась необъятная. После этого царственно кивнула Маше, стоявшей по другую сторону стекла. Кассир быстро защелкала по клавишам, и стоящий рядом принтер с натугой выстрелил три билета.

— Но только под вашу ответственность, — с нажимом произнесла она, — протискивая листочки в окошко. Маша кивнула и с облегчением подумала: «Пункт первый сделан».

В офисе было пусто. Только Катерина лениво листала ленту «контакта» да отвечала на редкие звонки. Остальные, воспользовавшись внезапным недугом Сова, работали из дома или попросту не пришли на работу, сославшись на проявившуюся простуду.

Маша быстро сунула компьютер в холщовую сумку, блокнот для записей. Оглянувшись в поисках ручки, она встретила глазами с Катей.

— Охота тебе в такую даль ехать? — спросила она у Скворцовой. — Сова из тебя негласно своего заместителя сделал, а платит тебе гроши. Как и всем нам. Совсем обнаглел он уже. Результат требует, а зарплату как весной снизил, так и не поднял. А я-то точно знаю, этот Петр Иванович на лапу ему дает. Напрямую. Чтобы мы его коттеджи вперед других ставили. — с горечью произнесла коллега.

Положа руку на сердце, ситуация с оплатой Скворцову тоже не устраивала, но вопрос ехать или не ехать перед ней не стоял. Во-первых, не поехать — значит было лишиться единственного денежного клиента, который помог их компании оставаться на плаву в течение последнего года. Другие агентства, растерявшие клиентов в 2020, кружили пираньями вокруг конкурентов, в надежде, что те совершат ошибку. Такого Маша позволить не могла. А, во-вторых, поездка, даже командировочная, означала приключение, а если и не приключение, то хотя бы смену в бытовом ходу жизни, которая сузилась до неприличных размеров в последнее время — дом, магазин и лес у дома.

— Катюха, как говорится, кто если не я. Тебе тоже кушать хочется, и Сове нашему, и мне. И Ксюше нашей, она одна с ребенком. Да и мне интересно на этого Петра Ивановича вживую посмотреть, а то все по телефону, да по телефону. — Благодетель и самый денежный клиент до сих пор лично был знаком только с Андреем Степановичем. Сова

несколько раз мотался с ним на согласования в Петербург одним днем: утром на «Ласточке» туда и вечером на ней же, обратно. На следующий день после поездки, как правило, он бывал не в духе — из-за дорожного дня и из-за нагоняев, которые он получал от клиента. Девочки в агенстве знали, что первый день после командировки лучше приходить вовремя, обедать за пятнадцать минут, и на все просьбы отвечать «Да, Андрей Степанович», иначе буря из Петербурга перенесется в их маленький офис.

Катя пожала плечами и обновила ленту социальной сети. Уже несколько месяцев она безуспешно пыталась найти новую работу, отправляя резюме не только в Петрозаводске, но даже и в Златоглавую. Никто не звал ее даже на собеседования, из-за чего она теряла мотивацию уже даже и на существующей работе. Маша с ее рабочим энтузиазмом ее раздражала, как и то, что та, не обладая модельной фигурой, поела выпечку в невероятных количествах, не испытывая, казалось, никаких угрызений совести. Скворцова же муки сожаления ловко скрывала, не показывая коллегам, даже ближайшим, свои волнения по поводу расплывшейся талии, тайно рассчитывая дневную норму калорий.

Коллеги простились. Катя рассеяно отозвалась на Машины инструкции по поводу социальных сетей и других клиентов: в очередной раз обновляя ленту, она заметила, что ее бывшая одноклассница переехала из Петрозаводска в Москву. Чужие успехи занимали ее много больше собственных. Маша, поняв, что Катя погрузилась в виртуальный мир, тихо закрыла дверь в офис и направилась домой.

Глава 4

В автобусе было немногочленно. Автобусной линией пользовались только местные жители, столичные гости предпочитали ловкие и быстрые «Ласточки».

Маша устроилась на своем месте в надежде отдохнуть в дороге. Утро сборов выдалось суетным. Мама несколько проверяла аптечку, Антонина Михайловна выясняла подробности интернет-подключения. Сама Маша разрывалась между телефоном — Сова названивал с последними указаниями, компьютером — Петр Иванович высылал планы новых турбаз и требовал немедленного плана по продвижению, и своими непутевыми попутчицами, которые в несколько чемоданов пытались втиснуть содержимое всех полок соседнего супермаркета. Анна Ивановна, сама того не понимая, поддалась панике своей ближайшей подруги, и скупила крупы, макароны и консервы в таком количестве, словно они перебирались в Сортавала не на две недели, а как минимум на несколько месяцев.

— Ну и куда вы все это накупили? Мы же не на Луну высаживаемся? — протянула Маша. — Мы как это с вами понесем тут до вокзала? И до дачи?

— Ну, Машенька, давай такси возьмем, — неуверенно предложила Анна Ивановна. — Только выезжать, наверное, лучше заранее. Там снега намело за ночь, а с утра ничего и не чищено.

— Вот, Маруся, не скакала бы ты в девках, муженек бы твой нас мог до вокзала довести. Или еще лучше — до самой Сортавалы домчать с ветерком. А так на своем горбу придется, — недовольно заметила Антонина Михайловна. Скворцова-старшая предупредительно зыркнула на подругу, Маша закатила глаза. Машино «незамужество» оставалось темой, которую негласно было принято не обсуждать. Анна Ивановна дочку жалела — той доставалось на посиделках с родственниками, поэтому в домашнем кругу об этом не говорили. Но тетя Тоня на правах почти что семейных иногда не сдерживалась.

— Тетя Тоня, — отчеканила Маша, — мы сейчас выгрузим все лишние пакеты, вызовем такси, и в Сортавала тоже такси вызовем. Мужа, как вы верно заметили, у меня нет, поэтому справляться будем своими силами. Шварцнеггер тоже занят — губернатором в Калифорнии, поэтому помочь нам не сможет, будем сами.

Антонина Михайловна кивнула. Ссоорится с соседками перед самым отъездом не хотелось. Как ни крути, зависела она от них — от Маши, от Анны Ивановны. Что она будет делать, если сейчас они разом решат оставить ее в Петрозаводске, а сами укатят на непонятный срок. Неохотно она начала разбирать сумки, стараясь и лишнего не выложить, и ношу облегчить.

В такси погрузились спешно. Водитель долго блуждал по дворам, и в результате путешественницы чуть опаздывали, о чем незамедлительно сообщили, едва закрыв дверь автомобиля. Таксист принял это как указание к действию и незамедлительно нажал на газ, что, впрочем, скорости не прибавило. Из-за ночного снегопада все машины буксовали, неопытные водители ехали очень тихо, а опытные, как раз такой и попался компании, на чем свет стоит кляли правительство, маски, короновирус, и лихо пытались объехать сугробы. Маша вжималась в сидение, время от времени поглядывала на часы. Еле-еле, но похоже они успевали. На автовокзал путешественницы прибыли за пять минут до отправления автобуса. Водитель уже закрыл багажное отделение. Он строго посмотрел на опоздавших и с барского

плеча разрешил занести сумки в салон.

Место рядом с Машей оказалось свободным. Позади расположились Анна Ивановна с тетей Тоней. Старшие подруги тут же задремали, утренние заботы порядком вымотали обеих. Скворцова-младшая прислонила голову к холодному окну в надежде забыться беспокойным дорожным сном. Морфей, однако, не спешил принять девушку в свои объятия. Мысли нестройными рядами роились в голове, переходя от одной темы к другой. Рабочие вопросы занимали Машу ровно столько же, сколько личная жизнь, которая так и не хотела налаживаться. Утренние комментарии от тети Тони разбередели незажившие царапины. Из большой гурьбы университетских и школьных подруг она одна осталась незамужней, выпав потихоньку из круга общения. Что поделать — не могла она поддержать разговоров о памперсах, бессонных ночах, о том, что муж потерял интерес после родов. Все романы Скворцовой заканчивались, едва успевая начаться. Маша от этого грустила ужасно. Старалась подогнать себя под гляцевый стандарт, она усиленно худела, подписывалась на паблики ведических женщин «Вконтакте», придирчиво изучала страницы с рецептами в журналах, чтобы при случае удивить суженного. Суженные, однако, не задерживались: всегда находилась та, которая была худее, сговорчивее и нежнее. Маше же хотелось невозможного — быть при муже и при этом оставаться самостоятельной единицей, со своими интересами, хотелось с любимым идти рука об руку, а не слепо следовать за ним. В пандемию личная жизнь и вовсе прекратилась. В приложениях знакомств потенциальные женихи лихо бравировали отсутствием масок и разоблачением теорий заговора коронавируса. Маша из соображений безопасности такие варианты отправляла влево, заразу в дом тащить не хотелось даже во имя любви. Маша тряхнула головой, словно отмахиваясь от этих мыслей. От таких рассуждений ей делалось за себя обидно: надо же, образование есть, работа есть, хобби есть, да и квартира имеется, а вот тебе — все счастье ее сводилось к пресловотому женскому — выйти замуж и родить детей. «А как же карьера, самостоятельность, — в такие моменты горько думала она, — все равно же чем-то жертвовать придется!» Автобус раскачивался из стороны в сторону на глубоких ухабах карельских дорог. Маша наконец задремала под подкаст о русском языке. Сквозь ропот ведущих в наушниках Скворцова слышала обрывки «Русского радио», которое на полную мощность включил водитель. Героиня последних лет, Ольга Бузова, надрывно пела о том, что она еще верит в то, что в случайном прохожем она найдет свою судьбу. Маша поморщилась — в глубине души с бывшей участницей «Дома 2» она была согласна, но признавать это мешало высшее образование. Под мотив песни в мыслях снова возник образ сурового полицейского Андерса Берга. Маша растроенно закрыла глаза. Пожалуй, хуже плохого романа может быть только несбывшееся обещание хорошего.

В Сортавала доехали без приключений. Анна Ивановна с тетей Тоней проспали всю дорогу и выглядели если не отдохнувшими, то как минимум менее растерянными при прибытии на конечную станцию. Маше тоже удалось если не поспать, то окунуться в автобусное забытье. Водитель, уже не помнивший утреннее ворчание на запоздалых пассажиров, великодушно помог спустить сумки из автобуса.

— Ну, красавицы, бывайте! — залихватски подмигнул он Анне Ивановне. Та тут же зарделась и неловко помахала рукой. Мужчин после смерти мужа она не сторонилась, но и не приваживала. Ей хорошо жилось и одной, а в принцев, в отличие от дочери, она перестала верить очень рано.

Город был заметен снегом. Таксисты, пользуясь ситуацией, заламывали цены даже за самые коротенькие поездки. Маша, понимая, что с ними не сторгуешься, скрепя сердце согласилась заплатить 500 рублей за 2 километра. «Подошью это в командировочные расходы», — про себя решила она.

Дача, на которую прибыли путешественницы, была на деле двухкомнатной квартирой на первом этаже с выходом во двор. В квартире этой выросла Анна Ивановна, здесь же Маша проводила все свои каникулы — и летние, и зимние. Озеро близко, на участке во дворе росла клубника и зелень, чуть поодаль начинались огороды, где Машина бабушка высаживала картофельные угодья. Все это перешло по наследству к Скворцовой-старшей. Та в свою очередь не поддавалась на уговоры мужа и не продала квартиру с участком даже в лихие девяностые. Несколько лет назад вместе с Машей они сделали ремонт, превратив скромное жилище в настоящую летнюю резиденцию, первым карантинным летом провели хороший интернет и цифровое телевидение, чтобы наслаждаться любимыми программами вне зависимости от старинной антенны, работавшей с перебоями еще с пятидесятых годов. Квартиру Скворцовы всегда тщательно закрывали на зиму: прятали от мышей или забирали с собой крупу, мыли и закрывали окна, сворачивали ковры, блокировали краны. Соседке из квартиры напротив выдавался на зиму комплект ключей, чтобы она раз в пару недель она заходила проверять все ли в порядке. За это Анна Ивановна всегда привозила ей гостинец из города. Вот и в этот раз перед самым выходом из магазина она захватила нарядную упаковку чая и большую коробку конфет.

В летней резиденции все было ровно так, как женщины оставили поздним октябрьским утром прошлого года, когда дачный сезон официально было решено завершить. Анна Ивановна сняла обувь, по-хозяйски сразу прошла в большую комнату, соединенную с кухней. Во время ремонта решено было сделать европейский вариант — соединить зал и кухню. Теперь вместо двух маленьких помещений в квартире было одно побольше и светлее. В гостиной стоял большой диван, на котором спала обычно Маша, обеденный стол, служивший обеим Скворцовым рабочим местом и большой книжный шкаф. У Анны Ивановны была большая библиотека, и книги часто кочевали из одного дома в другой. Маша привычку читать переняла у своей родительницы и, хоть обе уже давно по большей части обращались к электронной книге, она редко возвращалась из книжного или даже продуктового без нового томика. В кухне все тоже было по-современному, даже посудомойку поставили. Однако же приветом из прошлого и из детства осталась исправно работавшая маленькая дровяная печь. Многие жильцы дома печки во время ремонта поубирали, Анна Ивановна решила оставить, даже летом в Карелии может быть зябко, а печка несомненно придает уюта и теплоты любому дому. К гостиной-кухне прилегала маленькая спальня с большой кроватью.

— Так, Тонечка, вот тут мы с тобой и спать будем, — Анна Ивановна жестом показала на кровать, укрытую цветным покрывалом, — а Машенька тогда на диване, как летом. Места нам всем хватит. Только нужно нам с тобой тут все убрать и раскрыть, запасы наши разложим по шкафам, если чего не хватает — супермаркет у нас тут прямо за поворотом.

— Вот и придется снова деньги тратить, — буркнула Антонина Михайловна, — надо было все купленное брать, а не выкладывать.

— Теть Тонь, если бы все купленное взяли — мы бы на автобус точно опоздали. Такие запасы, как вы накупили, на своих двоих нам было бы ни за что не унести вовремя, — Маша подала голос, на минуту подняв голову от телефона. Все утро мобильный разрывался от сообщений и звонков, то от Совы, который в плену температуры давал совершенно

противоположные указания, то от заказчика, который каждые десять минут уточнял добралась ли Маша наконец до Сортавала. Скворцова терпеливо объясняя, что автобус прибудет в 14.30. Петр Иванович на другом конце недоумевал, отчего автобус движется так медленно, и в целом был удивлен, что Маша выбрала самый небыстрый вид транспорта.

— Мам, вы тут без меня разберетесь? Мне уже к заказчику надо спешить, как-никак я в командировке. Я встречусь с ним, и вернусь уже ближе к вечеру. Как раз и в магазин смогу заскочить, если чего не хватает.

— Давай, дочка, беги. Не волнуйся, мы с Тоней справимся, — Скворцова-старшая кивнула в след закрывающейся за Машей двери.

Глава 5

Анна Ивановна не спеша занесла сумки в кухню.

— Тоня, ты за стол садись. Сейчас вначале чаю попьем, а потом уже все остальное. Кран расфыркался — не ждал он, что его потревожат до лета. Скворцова набирала воду в подставленный чайник и заботливо осматривала квартиру. Все-таки хороший ремонт они с Машенькой сделали. Все удобно, все под рукой.

В квартиру своего детства Анна возвращаться любила. В Сортавала она прожила до окончания школы в 17 лет, после она, лучшая ученица в классе, поступила в университет и уехала в Петрозаводск. Однако же, каждые каникулы она с радостью возвращалась в отчий дом, даже практику перед защитой диплома проходила в школе, в которой училась когда-то сама.

Со временем город менялся. Сортавала, или Сердоболь, видел на своем веку немало. В разное время в нем властвовали шведы, финны и русские. Город хранил в себе тайны и следы пребывания всех своих властителей. Однако на период, когда Сердоболь входил в состав княжества Финляндского, которое, в свою очередь входило в состав великой Российской империи, воистину пришелся расцвет маленького городка. Александр II сыграл немалую роль в обустройстве городка. Весь старый центр был полностью перестроен, а проектированием города по указу императора занимался Карл-Людвиг Энгель — архитектор, отвечающий за внешний облик столицы Финляндии, Хельсинки. Анна Ивановна обожала бродить по улицам города — тут и там угадывались именитые финляндские архитекторы, только, конечно, в Сердоболе творили они с меньшим масштабом, но творили же. Сааринен, Ульберг, Линдгрэн — все знаменитые имена, спроектировавшие здания в Финляндии отметились и в уездном городе. Конечно, послевоенные годы принесли упадок не только в Сортавала, но и в другие места. Памятники архитектуры старели. То тут, то там осыпалась штукатурка, отваливался декор, никому не было дела. Молодежь сплошь и рядом уезжала — в Петрозаводск, Петербург, Москву. Кто-то, порывшись в архивах, отправлялся по другую сторону границы — в Финляндию, по программе репатриации. Анну Ивановну это порядком расстраивало. Она помнила город живым, дышащим. Сама она по окончании университета хотела вернуться, но не вышло. За год до диплома она познакомилась с Машиным отцом, работа которого навсегда привязывала их семью к заводам столицы Карелии. Она скучала, но не унывала, и как только открывалась возможность, ездила в город своего детства. Все чаще у нее мелькала мысль перебраться сюда насовсем теперь, на склоне лет. Работа у нее теперь, благодаря пандемии, большей частью удаленная. А если понадобится настоящие ученики, из плоти и крови, то найти их в Сортавала не составит труда.

Анна с удовольствием осмотрелась в квартире. Тут и уборки не много будет. В конце сезона с Машей они потрудились на славу. Глаз зацепился за Тоню, которая скрючившись, сидела за столом в пальто.

— Тоня, ты пальто-то сними. Жарко, — улыбнулась Анна Михайловна, — мы сейчас и печку затопим. — Хозяйка кивнула на вязанку сухих дров. — Ты чего насупилась? Считаю, что ты в санаторий приехала. Ты в доме отдыха была когда-то?

Антонина Михайловна при общей внешней бойкости была до ужаса стеснительной.

Очутившись за сотни километров от родной квартиры, она резко осела и пыталась осмыслить собственную смелость. Первый раз за всю свою уже не сильно короткую жизнь Антонина Михайловна отправилась в путешествие без мужниного или сыновьего надзора. Первый раз в жизни она приняла решение, собрала вещи и поехала. Вот так, настоящим дикарем.

— Ой, Аня, я-то зачем с вами поехала, в пандемию. Давай-ка меня следующим автобусом назад отправим. Я уж отсижусь у себя, а ты мне позвони, как приедете. Игорек-то мой что скажет — Антонина Михайловна резко встала и быстрым шагом отправилась в прихожую. Через секунду до Скворцовой-старшей донеслось сопение: надевать ботинки, не сняв тяжелое зимнее пальто, было сложновато.

— Так, Тоня, ты не дури. Обувь поставь на полку, пальто снимай и давай его на вешалку. Приехали все вместе и уедем тоже, всей командой. — Анна Михайловна посмотрела на подругу строго, по-учительски, появивишь в дверном проеме. — Маша это хорошо придумала, что мы вместе тут оказались. И нестрашно, и веселее. А ты чувствуй себя, как дома. Добро пожаловать в санаторий «У Анны». Подруги вернулись в комнату. Чайник призывно свистел. Соседки сели чаевничать.

Анна Ивановна оглянула комнату — ничего, всем места хватит. Раньше на месте дивана в гостиной стояла узкая тахта, на которой в юности спала она сама. Такая вот преемственность, вначале мать, а затем дочь перед сном вглядывались в одно и то же окно, каждая мечтая о своем. О чем мечтает Маша, мама ее догадывалась. Свои надежды она сама давно оставила в прошлом. Когда-то в юности ей грезилось о далеких путешествиях, о работе, приносящей радость, о дочке, об избранном, с которым они пойдут по жизни рука об руку. Из этого сбылась дочка — Анна народоваться не могла на Машеньку, с самого ее рождения; и работа — на пенсию учительницу провожали со слезами, а ученики до сих пор, многие уехав уже в другие страны, всегда слали поздравления ей на день рождение и Новый год. Анна Ивановна на жизнь не роптала. Два других желания не случились, но в жизни нельзя получить все. Оглядываясь назад, Анна была своей жизнью довольна. Не лучше и не хуже всех она жила. И есть еще время впереди. Время, которое она может провести так, как хочется.

Антонина Михайловна после нескольких чашей чаю освоилась, включила телевизор и с увлечением смотрела новости. Она посмотрела на подругу и отметила, что у той поменялось выражение лица с тех пор, как они приехали в Сортавала. Из озабоченно-деловой Скворцова превратилась в делово-умиротворенную: она сидела у большого окна, маленькими плотками отпивала из чашки обжигающих чай и смотрела на снег, который не думал заканчиваться и все большими сугробами закрывал город. Антонина, последовав примеру подруги, тоже обратила внимание на окно, и всматривалась в снежинки, которые ни одна не похожа на другую, создавала вместе чудесный зимний танец. Впервые за сумасшедший год пандемии она не обращала внимания на телевизор, который на заднем фоне пугал растущими цифрами заболевших. Впервые за год Антонина оказалась здесь и сейчас, в настоящем. И надо сказать, настоящее ей нравилось очень.

Маша пробиравалась сквозь заснеженный город. Такси поймать не удалось, автобусы и маршрутки и в хорошую погоду было не поймать, что говорить о таком небывалом снегопаде. Петр Иванович строго отчитал Скворцову за несуществующее опоздание и после милостиво сообщил Скворцовой, что ждет ее на обед в гостинице. «Конечно же, я

угощаю», — царским голосом прибавил он в конце. Обещание бесплатного обеда слегка прибавляло скорости, однако снег забивался в шапку, пуховик, ботинки, тем самым осложняя путь к заказчику.

Спустя сорок минут Маша наконец зашла в гостиницу. Заказчика вживую она никогда не видела и опасалась, что может не узнать Петра Ивановича. Волнения были напрасными. Грузный человек в ресторане занимал, казалось, ровно половину зала. Не терпя возражений, он за что-то выговаривал официанту — юркому молодому человеку лет двадцати пяти. Тот откровенно скучал, слушая привередливого гостя. До короновируса столичные гости были в Сортавала в новинку и потому обслуживались по высшему разряду. Теперь же посетители из больших городов ехали в маленькую Карелию если не тысячами, то сотнями каждый день. Кто-то спасался от пандемии, кто-то без возможностей выехать зарубеж, открывал регионы необъятной России. Тем самым столичные баловни обесценились и теперь их обслуживали как всех — слегка нехотя и с ленцой, как будто самим своим визитом они отвлекли персонал от важных дел.

Маша мельком глянула в зеркало: вид был не очень. Снег тяжелыми комками налип на пуховик, капюшон болтался на голове мокрой тряпицей. Общее впечатление слегка спасали щеки, разругавшиеся от ходьбы, и большие глаза, блестящие в глубине зимней одежды.

— Петр Иванович, добрый день! Я — Мария! — отряхнув снег с пуховика, Скворцова протянула руку клиенту.

— А, вот и Маша, радость наша. Явилась — не запылилась! Разрешите официально представиться, Петр Иванович Стройко, ваш спаситель и благодетель, самый большой и, смею надеяться, самый любимый клиент. — Рукопожатие оказалось уверенным и очень крепким. — ну, садись, будем беседовать. О делах и не только. Стройко подмигнул Скворцовой.

Сев за стол, Маша с удивлением обнаружила, что обедал Стройко не один. Напротив него сидела девушка. Стройная, почти прозрачная, прическа — волос к волоску, не в пример Машиной дули на голове, которая всегда норовила развалиться в самый неподходящий момент. Идеальная кожа, словно совсем без макияжа, но Маша знала — чтобы получить такой эффект нужно потрудиться перед зеркалом. «Дочку, что ли привез?» — быстро подумала Скворцова, но перехватила взгляд, которым Петр Иванович награждал незнакомку. В нем было все — вожделение, восхищение, влюбленность, но никак не отеческая опека. Не ускользнуло от Маши то, как девушка ответила Стройко взглядом — уже другим, уверенным, дерзким. Сразу понятно, что в этих отношениях эта юная дама держит все козыри в руках, а Стройко, как школьник, пытается выиграть эту партию мелкими картами.

— Вот, Маша, познакомься. Это — Александра, — клиент гордо представил свою сотрапезницу — любовь всей моей жизни!

Александра благосклонно улыбнулась, и положила свою маленькую наманикюренную ручку на большую ладонь Стройко. От подобной ласки тот порозовел, и выражение лица приобрел глупо-мечтательное. «Да, похоже дамочка взяла тебя под узцы», — смешливо подумала Маша.

— Так уж и всей, — зазвенела Саша колокольчиком. Голос был под стать внешности — выразительный, с тембром чуть ниже, чем диктуют приличия. Маша наострила уши, похоже, в море влюбленности назревал шторм.

— Сашенька, все, что до тебя было — уж пройдено, закончено, осталось формальности подписать, и все! Я — твой на веки! — с жаром Петр Иванович приложился к тонкой

руке. — Понимаете, — виновато посмотрел он Машу, — я еще женат. Женился по глупости в 18, так и примотала она меня к себе, мегера старая. Уже 25 лет отлипнуть не может. Я уже и так, и этак. А она. Эх — махнул рукой влюбленный.

Скворцова кивнула. История известная. Какая-то женщина, и Маша ей заочно сочувствовала, прошла огонь, воду и медные трубы с господином Стройко. Наверняка, когда тот строил свою туристическую империю, она была для него надежным тылом, обеспечивала котлетами, борщами, чистыми рубашками. Дети, если имелись, то перед взором Петра Ивановича появлялись лишь изредка, опрятные и вежливые, и делились головкружительными школьными успехами. Теперь же, на пороге пятидесятилетия, Стройко, как и многим мужчинам, вместе с сединой, которая в его случае была аккуратно закрашена, ударил бес в ребро. И захотелось баловню от бизнеса новой любви — моложе, стройнее, современнее. Да вот незадача, старая супруга, похоже, не собиралась сдавать бастионы, нажитые непосильным трудом. На развод она, скорее всего, была согласна, как согласна была миллионы своего изменчивого мужа делить пополам. А Стройко это, конечно, не устраивало. Ему хотелось все заработанное все честно и нечестно тратить на себя и вот на Александру. Судя по неброской элегантности последней, денежный поток для новой любви Петра Ивановича, требовался постоянный и немаленький. «Прескверная история, хоть и обыденная», — отстраненно подумала Скворцова.

— Ну, давай, Маша, к делу! — перешел от сердечных невзгод Петр Иванович. — Дела у нас идут хорошо. Я вашей «Фантазией» доволен — хорошие кампании, народ едет, все наши базы — под завязку забиты. Уже даже все лето забронированы. Мы еще с тобой на неделе все объедем — новые фоточки сделаем, в букинг разместим. Покажем товар лицом. Потом еще может и на ТВ рекламку сделаем. Наша новогодняя всем понравилась, и на базах, сама помнишь, был аншлаг и даже лист ожидания был переполнен.

Маша сосредоточенно записывала. Как бы не относилась она к Стройко и его амурным делам, бизнес свой знал он хорошо. И знал, чем клиента своего зацепить: чистые комнаты, хорошие завтраки, пара включенных в стоимость проживания экскурсий. И маленькая щепотка кичливого дурновкусия — на каждую базу Петр Иванович добавлял что-то от себя: то тигриную шкуру приказывал повесить прямо на рецепции, то каждую из комнат по его указанию вешались огромные рога. Везде, в каждой санатории, был виден хозяин — громкий, порывистый, властный и мужиковатый. Что и говорить, даже слоган зимнюю рекламу для петербургского телевидения, продиктовал Стройко. Маша и Сова поморщились, записывая, но хозяин барин. Скворцова содрагалась еще несколько недель подряд, когда попадала на канал, где звучал призыв «Новый год спасен, приезжай гулять среди сосен». Ужасная пошлятина, однако, Новый Год и впрямь оказался выигрышным: количество желающих дышать чистым карельским воздухом превышало номерной фонд. Лист ожидания сформировался быстро, и многие, не получив заветную комнату в этот год, в отчаянии забронировали и оплатили следующий.

— Но только, Машенька, мне размаха не хватает. Думаю, мы в вашей Сортавале еще не все открыли для нашего искушенного путешественника. — Стройко жестекулировал одной рукой, другой одновременно удерживал ложку и калитку, традиционную карельскую выпечку, которую Маша обожала с детства. Впрочем, ресторанный вариант ее не устраивал, лучшие калитки, убеждена была Скворцова, пекутся на кухне у ее мамы.

— Сашенька, ты эту, клеточку, бери, — Петр Иванович заботливо подтолкнул хлебную корзинку своей возлюбленной.

— Золотце, я же мучное не ем, — пропела Ксюша.

— Калиточки, — машинально поправила Скворцова и покосилась на соседку по столу. «Конечно, не ешь», — с завистью подумала Маша и взяла сразу две в пику хрупкой девушке.

— Размаха не хватает, понимаешь. Я тут прогулялся утром, пока тебя не было, — в голосе Скворцова услышала укор, — и зданий тут красивых хоть отбавляй. Можно такой люксовый отель сделать, в который не только столичный офисный планктон поедет, но знаменитости, политики. Сделаем пять, нет шесть звезд. Полный эксклюзив в исторических декорациях, спа-зону забабахаем. Лучше, чем в Европах, — вслух мечтал Стройко.

Маша согласно посмотрела на заказчика. Идея была хорошая, тем более, что знаменитости уже знали дорогу в республику. Именитые телеведущие несколько раз в год приезжали на детокс, но вот настоящего люксового спа-отеля, без оттенка советского дома отдыха, нигде пока не было. Ниша не занята, клиент есть. Хоть сейчас делай.

— Так что, у нас Маша-растеряша, есть еще с тобой дело. Погуляем с тобой по городу, посмотрим. Ты мне справочку набросай историческую, когда, кто построил, зачем, и что там сейчас. Надо будет, конечно, согласовывать, кого-то выселять — ничего не поделаешь, — развел руками Петр, — но я нужных людей знаю. Даст Бог, устроится. — упомянув Всевышнего, Стройко быстро перекрестился.

— Петр Иванович, идея отличная. А справку я вам соберу быстро, у меня мама из этих мест — она мне подскажет то, чего не выдаст никакой интернет, — согласилась Мария. — У нас тут столько возможностей, что дух захватывает. А потом мы с вами и рекламу согласуем.

— А у меня все идеи что надо, Машенька. Не зря свой хлеб я ем, — отозвался Петр Иванович и наглядно откусил кусок свеженько испеченного. — Сегодня уже дело к вечеру близится, поэтому даю тебе домашнее задание. Отправляйся домой, поищи информацию, что и как. Достопримечательности, думаю, сама знаешь, раз маманя твоя здешняя. А завтра, как штык, в 8 утра будь тут. Поедем на базы, а ты мне в дороге все и расскажешь. А послезавтра отправимся на потенциальные объекты. А я вечером еще удочки в мэрию закину. Мы с Сашенькой с важными людьми сегодня ужинаем. — При упоминании имени любимой Стройко расцвел.

Обед доели в согласии, разговор шел обо всем насущном — о карантине, о Сове, который слег с неприятной болячкой. Маше к удивлению Стройко понравился. Деловой мужик, профессионал, разносторонний. Знал, чего хочет, и знал, как это получить. Александра все больше молчала. Лишь изредка она дарила улыбки своему ухажеру, на Машу смотрела чуть рассеяно — не видела в ней конкурентки, потому внимание свое не заостряла. Скворцова на Джульетту заказчика тоже старалась не замечать. Подобные девушки, ухоженные и расслабленные, пробуждали в Марии неприятные чувства и начисто сводили на нет мантры любви и принятия. По сравнению с такими, как Александра, она всегда оставалась неуклюжей, полноватой и немного нелепой. Скворцова с этим смирилась — такова была жизнь.

Троица распрощалась после трапезы сердечно, почти друзьями. Даже Александра одарила подобием улыбки Машу, когда та надевала подскошый пуховик.

Никто из не заметил, что официант, до этого нерасторопный и медлительный, лихо забрал деньги и быстро шмыгнул за барную стойку, где быстро начал набирать сообщение, поглядывая в их сторону.

Глава 6

По пути домой Скворцова воспрянула духом. Похоже, внезапная командировка в Сортавала оказалась не такой и бесполезной, как она думала. В автобусе Маша представляла себе разные варианты развития деловой поездки и худшим, конечно, представлялся тот, в котором Стройко разрывает с «Фантазией» все отношения и уходит к конкурирующей компании. Однако тот оказался доволен и даже готов компанию их брать в большие проекты. Начинать с нуля весь маркетинг для нового люксового спа-отеля. Что может быть лучше? Тогда и у Совы не будет причин больше не возвращать зарплату на прежний, докоронный уровень. Может быть даже, ей, Маше, бонус перепадет за то, что она новый проект получила.

Скворцова размечталась. А может, если она хорошо проявит себя, то Стройко ее к себе в компанию на работу возьмет? Мысль показалась ей очень привлекательной — так можно и в Петербург переехать. Мама справится, да и близко это — всего несколько часов на «Ласточке». Все перемена в жизни будет. А там, кто знает, может быть и личная жизнь наладится. Маша улыбнулась своим думам: кто сказал, что от жизни нельзя получить все. Наверное, можно и карьеру, и личную жизнь. Главное, не проморгать шанс, который подсовывает судьба. В этот раз Скворцова была намерена схватить фортуна за хвост.

Дома свет горел во всех окнах. Уже от двери Маша услышала, что на кухне уютно трещит печка, негромко говорит телевизор, чем-то вкусно пахло, слышался вечерний разговор. За столом, помимо матери и тети Тони, Скворцова увидела соседку — Софью Алексеевну, которая пришла проверить квартиру и, к своему удивлению обнаружила там саму хозяйку. Софья с благодарностью приняла чай и конфеты, припасенные из города, и свою очередь принесла замороженных грибочков, собранных этим летом. Собственно, по грибы Софья Алексеевна ходила с Машиной мамой. Женщин связывала многолетняя дружба: вместе они учились и в школе, и потом уже — в институте. Только после окончания Анна Ивановна осталась в Петрозаводске, а подруга ее — вернулась в родной город. Отношения же бывшие одноклассницы не прерывали — каждое лето виделись, переписывались, а с приходом социальных сетей и вовсе были постоянно на связи. Тетя Тоня поначалу ревностно следила за Софьей — в давней подруге Анны она почуяла конкуренцию, однако за ужином растаяла. Свое дело сделали грибочки, а также маленькие рюмки морошковой наливки.

Маша села за стол. Мама тут же поставила перед ней тарелку с дымящейся картошкой, рядом пристроилась грибная горочка в сметане. От предвкушения Скворцова улыбнулась. Хороший зимний вечер, в работе прогресс наметился, что еще желать можно.

— Машенька, как это тебя к нам в Сортавала в командировку отправили? Да ты и маму с Тоней с собой взяла, умница! — произнесла Софья Алексеевна. Женщина сделала глоток наливки.

— Тетя Соня, ты представляешь, — с дачной соседкой Скворцова чувствовала себя свободнее, чем с Антониной Михайловной и с детства называла ее на «ты», — начальник мой с короной свалился. А наш самый важный и большой клиент из Питера сорвался сюда на объекты да от большого города подальше. И вы представляете, — тут она обратилась уже ко всем собравшимся, — задумал в Сортавала премиальный отель открыть, со спа-зоной, все как надо. В одном из старинных домов, — торжественно заключила она.

Женщины ахнули. Концепция и им прищлась по вкусу. Так и более состоятельный клиент подтянется, деньги в республику, рабочие места. Все выйдут в плюсе. Анна Ивановна в очередной раз задумалась о переезде в город своей юности. Квартира есть, работа есть, пенсия капает. Вот и бизнес новый появляется тут — а в новую гостиницу наверняка помощь потребуется: сайт на английский перевести или помогать с корреспонденцией на английском. Анна Ивановна в силах своих была уверена, и справедливо полагала, что ее знания дадут фору всей молодежи.

— А мне, — с жаром продолжала Маша с набитым ртом, одновременно хотелось рассказать все и сразу, но отрываться от замечательного ужина решительно не хотелось, — Стройко, ну заказчик наш, дал дз, домашнее задание то есть, — тут все три женщины за столом посмотрели на Скворцову чуть снисходительно. За десятилетия, проведенные в школе, они назубок выучили сокращение «ДЗ». Да и чего скрывать, сами частенько так говорили, оставшись в кругу своих в учительской.

Маша продолжала.

— Значит, домашнее задание у меня такое. По всем зданиям, что есть у нас в городе, старинным, подготовить историческую справку. И, по возможности выяснить, что сейчас там располагается. Так мы с Петром Ивановичем здание и подберем. А там он уж договорится. Ну а мы, в нашем агенстве, будем рекламу новому месту делать. Чтобы даже знаменитости приезжали. — Скворцова заключила свою пламенную речь, подняла запотевшую с холодной наливкой стопку и осушила ее одним махом.

Анна Ивановна всплеснула руками, встала из-за стола и подошла к книжному шкафу. Оттуда она достала несколько фолиантов разной толщины и выложила на диван.

— Вот тебе, Мария, учебники для твоего домашнего задания. Тут вся история города, все по периодам, по домам. Что-то, конечно, и в интернете найдешь. Всю ночь провести можно.

— Аня, чего в книгах смотреть, — перебила подругу Софья. — Тут у нас отличное здание и есть. Постройка еще довоенная. Да даже дореволюционная. Есть на Ладожской улице здание старой гостиницы. «Пайвола» раньше была. Теперь там правда здание лесничества, — задумалась Софья Алексеевна.

Маша тут же достала блокнот. Стройко наверняка заинтересуется. То, что здание занято, не проблема. Лесничество можно и переселить. Она посмотрела на стопку книг, которые достала мама. Ничего, можно и за полночь засидеться. Она в командировке на полном пансионе. Можно не волноваться, что Анна Ивановна утром приготовит дочери завтрак, если та не успеет.

Мария перебралась на диван. Удобно устроилась с ногами, укрылась пледом и погрузилась в мир истории Сортавала. Удивительно, раньше она и не подозревала, что город по своей архитектуре по-настоящему уникален. Лучшие архитекторы трудились над застройкой улиц. Оказалось, что Сортавала — город с секретом, настоящая архитектурная энциклопедия. Тут тебе и строгие геометрические фасады, Югенд-стиль и настоящие готические башенки. Блокнота постепенно заполнялся, Маша бежала по страницам истории, отмечая самые важные детали. «Надо же, как интересно», — про себя то и дело отмечала Скворцова. Много раз в детстве она ходила на почту — покупала марки, и не могла подумать о том, что в здании постройки 1913 года ранее располагался Объединенный Банк Северных стран. Между прочим в Сортавала был один из главных филиалов, а архитектором стал Уно Ульберг, уроженец Выборга. В свое время Ульберг стал глашатаем современного

скандинавского стиля в архитектуре — четкие линии, бетон и гранит огранично вписанные в природу. Раскрылся талант Уно в полной мере в его родном городе, но и в Сортавала перепало целых семь построек талантливого мастера. Здание банка выполнено было в стиле национального романтизма Финляндии — башенки с эркерами, красная черепица — ну точно замок, где точно живет сказочный принц. На соседней улице, носящей имя Вяйнемейна, расположился еще один банк, ранее банк Финляндии, а теперь Банк России, проектировки опять же Ульберга. Совсем другой стиль, неоклассицизм. Все симметрично, два типа оконных проемов, отделка необработанным гранитом. Два банка похожи друг на друга как, как братья, рожденные в разное время. Разный стиль, но от обоих веет надежностью, как и положено денежным хранилищам.

А вот и здание, про которое говорила Софья Алексеевна. Здание гостиницы «Пайвола» руки Йохана Алвара Окермана. Архитектор Окерман родом из Савонлинны, но в Сортавала и окрестностях провел много времени, и даже открыл здесь свое собственное бюро на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков. Маша старательно выписывала факты, продумывая, как она расскажет об этом Стройко. Согласно книгам перестройки в здании бывшей гостиницы были минимальные. Осталось придумать, что делать с лесничеством, но Скворцова не сомневалась — Петр Иванович эту проблему решит.

Маша оторвалась от книг. Фактов было уже достаточно. Она довольно потянулась, пора уже спать. За столом женщины и не думали расходиться. На столе поблескивал жестяной чайник, разговор лился рекой. Внезапный дверной звонок ворвался в домашний зимний вечер. Все недоуменно переглянулись. Час поздний, кто бы это мог быть.

Анна Ивановна открыла дверь. За ней кротко топтался рослый мужчина.

— Семен? — удивленно ахнула Скворцова-старшая.

— Анечка, извини, что поздно, Соня моя у вас? — спросил мужчина приятным баритоном.

— Сёма, ты что ли? Я тебя раньше утра не ждала, — откликнулась Софья Алексеевна. — Тоня, Машенька, знакомьтесь. Это брат мой, Семен Алексеевич, по совместительству — первая любовь нашей Анечки. — Софья Алексеевна улыбнулась.

Анна Ивановна зарделась.

— Соня, это уже сто лет быльем поросло. Семен, ты раздевайся, садись. Чаю тебе нальем. Если голодный — у нас еще грибочки с картошкой остались. — Анна Ивановна заправила выбившийся локон за ухо и улыбнулась внезапному гостю.

Неожиданно Маше стало очень легко на душе. Она удивленно смотрела на маму. Та словно помолодела на несколько лет за пару минут. Она улыбалась всем за столом, заботливо подкладывала Семену грибы и картошку. Тот ел и украдкой поглядывал на Скворцову-старшую с нескрываемым восхищением.

Глава 7

Анна Ивановна проснулась рано. Рядом на кровати большим телом посапывала Антонина. Маша тоже еще спала, было видно как ее густые волосы разметались по подушке.

Скворцова неспеша встала и вышла на кухню. Стараясь не разбудить дочь, она поставила кофе, сделала бутерброд. Надо же. Вечер обернулся совсем не таким, как она думала. Нежданный гость оказался как будто долгожданным. Анна делала первые глотки бодрящего напитка и вспоминала, как получилось так, что с Семеном они разошлись, хотя все старшие классы школы проходили за ручку. У них был план — отучиться и пожениться. Однако в отношении юных влюбленных вмешался злой случай, а проще говоря — жизнь. Поступили в разные города, первое время обменивались письмами, ждали встречи на каникулах, но постепенно писем становилось все меньше. Встреч тоже — работа, практика, новые знакомые. Ручей первой любви постепенно истончался, а в конце — и вовсе засох. Анна и Семен перестали поддерживать контакт. От Софьи она знала, что ее бывший возлюбленный после учебы осел в Петербурге, был дважды женат, но бездетен. Удивительно, но за столько лет они пересекались лишь несколько раз: почти никогда не пересекались поездки, отпуска. Анна Ивановна вздохнула. Оно и к лучшему было — жить без соблазна оглядываться в прошлое, внимательно высматривая, где любовь они свою упустили, было легче. Скворцова посмотрела на часы: без пятнадцати семь. Пора было поднимать Машу — дочери предстоял долгий день, да и ей самой тоже. Частные уроки, подготовка, да и Тоню надо научить. На свою голову она вчера, поддавшись флеру морошковой настойки, пообещала научить подругу пользоваться «Тимз» и «Зумом». Что-то подсказывало Анне, что дело это будет нелегким.

Тем временем Маша проснулась и наблюдала за матерью. Не показалось ей вчера. Морщины на лбу и вокруг рта как будто разгладились. Девушка подумала, что о жизни Анны Ивановны до своего появления на свет она знала крайне мало. Знала, что в школе она была отличница и активистка, что было естественно — такой же Анна Ивановна осталась во взрослой жизни. Знала, что дружбу со многими она пронесла через всю жизнь — соседка Софья Алексеевна была тому верное подтверждение. А вот про тети Сониного брата Маша вчера вечером узнала впервые. Мужчина ей понравился — веяло от него спокойствием и надежностью. Анна Ивановна в его присутствии как будто приосанилась и сама стала безмятежнее.

— Проснулась, дочка? — Анна Ивановна заметила, что за ней наблюдают любопытные глаза. — Пора просыпаться, на работу собираться, кофе сварен. Яишницу сейчас сделаю.

Маша потянулась. Предстоял интенсивный и тяжелый, но Скворцова была собой довольна. Вчера ей удалось собрать отличный материал, на основании которого Стройко будет легко сделать выбор, где основать свой отель. У нее, конечно, уже определился фаворит, но окончательное решение будет за Петром Ивановичем. Мария глянула на телефон. Время раннее. Сова спит еще, наверное, у себя в отделении. В ту же секунду раздался звонок и на дисплее высветился знакомый номер.

— Андрей Степанович, ну как ты там? — звонко спросила Скворцова.

— Твоими молитвами, дела идут на поправку отрапортовал Сова, — а ты, как я слышал, бизнес наш пока не загубила? — Маша поняла, что Стройко уже связался с заболевшим, и

усмехнулась. Надо же, не до конца доверяет клиент женщинам.

— Никак нет, шеф! Наоборот, я нашему Стройко такой материал нашла для его нового спа-отеля, он нас на руках носить будет. Меня в левой, тебя в правой. Уверю тебя, Андрей Степаныч, у нас с тобой и у «Фантазии» дела пойдут в гору. — залихватски ответила Маша. О своих планах — работать у Стройко напрямую она тактично умолчала.

— Ну ты, давай, принимайся за работу. Только прошу тебя, не опаздывай. Стройко этого не любит, сама знаешь. Хорошо сработалась — премия обеспечена, а там, глядишь, если отель заработает, всем и зарплату повысим, — пообещал Сова. — Ну все, отключаюсь. У меня процедуры.

Маша отбросила одеяло. Подумала пол-минуты и снова схватилась за телефон и открыла мессенджер. «Хелена, доброе утро! Можешь помочь мне найти информацию по застройке и проектировке Сортавала? Желательно от начала двадцатого века, — написала она в сообщение подруге, подумала и прибавила, — у меня тут проектик нарисовался на работе, очень интересный! Вечером позвоню, расскажу». Ответ от Хелены не заставил себя ждать: «Привет, подруга, поищу после обеда и пришлю. Вечером созвон». Маша была уверена, что ее приятельница из Мариехамна уже выпила пол-литра кофе и готова была покорять архивный мир. Пора и ей, Скворцовой, подниматься и приниматься за работу. Она увидела, что мама уже заботливо накрыла завтрак. «Распустилась, ты, Машенька, слов нет, — про себя подумала девушка. — Этак мама за тебя скоро жить будет. Пора с этим заканчивать».

Скворцова наспех закинула в себя бутерброды и кофе. Время неумолимо бежало. Почему так? Вроде бы и проснулась Мария вовремя, и в ванной не задержалась, и готовить не пришлось, а стрелки часов уже приближались к восьми. Волевым решением Маша оставила в чашке недопитый кофе, быстро оделась и вышла из дома.

Скворцова-старшая закрыла за дочкой дверь. Антонина сонной павой вышла из спальни и села за стол. Она недоверчиво озиралась вокруг, словно не понимая, как это она оказалась в этом городе, в этой квартире. Она растерянно посмотрела на Анну Ивановну. Та ответила ей ободряющим взглядом.

— Тоня, давай завтракать. У меня потом урок начинается, а тебе будет подготовительное задание — установить и самой покопаться в программе. Я закончу со своими оболтусами, а потом примемся и тебя учить. Не дрейфь, будешь у меня хакер.

День пошел своим чередом. Антонина Михайловна устроилась ровно напротив своей подруги. Она театрально вздыхала и завистливо смотрела, как ловко Анна Ивановна управляется с современными технологиями. Та сидела важно и статно, смотрела ровно в камеру и объясняла разницу между прошедшим и плюсквамперфектом в английском языке. Время от времени она попровляла гарнитуру с микрофоном, но делала это с достоинством, ни капли не волнуясь. Изредка она смотрела на свою соседку по столу. Антонина неуверенно выглядывала из-за своего ноутбука и показывала большой палец. Ровно так — друг напротив друга работали мать и дочь Скворцовы летом. Только в отличие от Антонины Михайловны Маша почти не обращала внимания на свою соседку по столу: в работу она погружалась полностью, отгородившись от внешнего мира большими наушниками.

Анна Ивановна, однако, при внешнем спокойствии все никак не могла сосредоточиться на занятиях. Мысли скакали одна с другой, план урока, расписанный для каждого ученика в подробностях, рассыпался на глазах. Скворцова все возвращалась и возвращалась в прошлое,

дальнее и не очень. Как калейдоскоп воспоминания переворачивались, представляя собой разные картинки. Вечерняя встреча с Семеном разбередила чувства, которые, казалось, уже давно отошли. А гляди-ты, остались еще уголочки в груди, тлеют, но не разгораются. Если не раздувать их, то так и останутся они там внутри, несбывшимся. А Семен-то не изменился. Постарел, конечно, как все. Волосы побелели, лицо избороздили морщины — свидетели нелегкой жизни. Но взгляд остался прежним. Из-под поседевших бровей на нее яркими карими глазами смотрел Сёма. Мальчик, который просил донести ее портфель, юноша, с которым она обрывала соседские яблоки, молодой мужчина, сжимающий ее руку в светлой северной ночи. Когда же виделись они в последний раз? Уже лет десять минуло. Анна тогда уже пять лет как овдовела. Семена она тогда увидела мельком. Он приезжал помочь сестре заготовить дров на зиму да помочь немного с ремонтом. Приехал он тогда не один, а с женщиной и ее ребенком. Спутница была гораздо моложе, и вместе они составляли странную комбинацию: уже поживший мужчина, женщина в самом соку и мальчик лет десяти. В тот его приезд Анна Ивановна даже к Софье не заходила, пока ее брат не уехал. Слишком покорило ее то, что Семен оказался как и все мужчины падкий на молодое тело. От Софьи потом она узнала, что с женщиной той он разошелся быстро: ей хотелось замуж, а Семен после двух разводов о семье больше не помышлял.

А вчера, вот тебе раз, снова появился. Осмелился, даже в дверь позвонил. Анна Иванова вернулась в прошлое недавнее. Искал Соню, конечно, но почему не позвонил той? Все легче номер набрать, чем звонить в дверь, где зимой никого уже давно не было. Как догадался? И зашел-то в дом, как хозяин. Сел за стол и будто свое место занял.

«Ох, Аня, Аня, — одернула сама себя Скворцова-старшая, — ты сама себе хозяйка в этой квартире, и в какой-либо другой». Анна Ивановна покачала головой. Надо же 67 лет, а все романтики душа просит. Дверь тревожно раззвонилась. «Легок на помине», — пронеслось в голове.

И правда, за дверью вновь стоял Семен. Он неловко топтался, за спиной была видна деловитая Софья.

— Анечка, — промолвил сосед своим приятным баритоном, — меня Соня в магазин отправляет, может тебе что надо?

— Нам ничего и не надо, мы вчера же из Петрозаводска приехали, все с собой привезли, — протянула Анна Ивановна. В душе она словно млеяла от того, как нежно и совсем непошло у него получалось звать ее «Анечкой». Для всех вокруг она была Анной Ивановной, Анной, Аней, покойный муж в минуты редкой нежности обращался к ней «Анюта». «Анечкой» звал ее только Семен. Звучало это трогательно и только этим превращало пожилую женщину в юную девочку.

— Как это не надо, — за спиной возникла неутомная Антонина, — у нас и кофе мало, и чаю. — Нас Маша, — это она уже обращалась к стоящим за дверью соседям, — все выложить и заставила. А теперь нам сиди тут чуть ли не на сухарях.

— Тоня, ну на каких сухарях. У нас полки чуть не ломаются, — одернула подругу Анна.

— Ну, Аня, ты давай с Семеном тогда съезди в магазин, — в разговор вступила Софья, — купишь, что вам надо, да и проследишь, чтобы мне привез все, что по списку. На обратном пути за дровами. А мы тут с Тоней пока нам на ужин кашу из топора сделаем, раз уж и у вас и у нас в шкафах пусто. Вместе сговоримся.

— И правда, Анечка, поехали со мной. Вдвоем веселее да и быстрее управимся, — Семен застенчиво улыбнулся знакомой улыбкой. Надо же, вроде и старый уже, а глаза и

улыбка — прежние.

Анна Ивановна на секунду задумалась. Продуктов им хватит, зря Тоня волнуется. Однако побыть с Семеном наедине ей хотелось, поговорить без компании. Она быстро накинула пальто, запахнула широкую шаль. В конце концов. Этой зимой они в Сортавала приехали спонтанно, значит, и другие спонтанности можно себе уж позволить.

— Ну поехали тогда, только быстро нам надо обернуться. Маша скоро приедет. Думаю, этот Стройко ее обедом и не покормил. Соня, на Антониной шефство берешь. Она у нас городская. — Она лукаво подмигнула своим подругам, и вместе с Семеном они вышли на улицу.

День у Марии Скворцовой задался. Она не опоздала, а пришла на место встречи с Стройко за пять минут раньше назначенного. Петра Ивановича еще не было. В фойе тосковала Александра. Даже в столь ранний час она выглядела великолепно: легкий пуховик, теплые брюки, варежки с кокетливой меховой отделкой. Волосы собраны в шикарный хвост, легкий макияж.

— А Петечка пока собирается, он утром всегда работает, как проснется, а только потом собираться начинает, — пропела девушка, — я его учу-учу, ты вначале соберись, а потом уж работай, сколько душе угодно. Но нет. Эта кикимора его приучила так, что пока он утром работает, она ему и завтрак, и рубашку. А я так не могу. Мне тоже утром нужно и завтрак, и рубашка. — Она посмотрела на Машу.

— Ну вот почему, скажи мне, — она перешла сразу на «ты», — женщины мужчин у нас в России приучили, что им все на блюде с голубой коемочкой будет. И завтрак, и обед, и ужин, и детей, и на работу. При этом выглядеть, конечно, надо как с иголочки. А чтобы выглядеть так, нужно о себе заботиться, и чтобы мужчина тоже о тебе заботился. Ну ты понимаешь. — Александра глянула на Машу, как бы прикидывая, понимает ли она.

Скворцова неопределенно кивнула.

— А кикимора Петечкина приучила его, конечно, к плохому. Он теперь тоже от меня ждет того же — наглаженных рубашек и теплого питания. А у меня у самой карьера. Я, между прочим, директор по связям с общественностью на металлокомбинате. У меня четыре человека в подчинении, — важно добавила Александра в конце.

Маша размышляла. Девушка выглядела неприлично молодой для директора по связям с общественностью. Тут же Скворцова одернула себя — она сама не понаслышке знала, что женщине карьеру сделать сложнее. В Петрозаводске так точно, что-то подсказывало, что и в Петербурге, да и по всей матушке России да и во всем мире ситуация складывается таким же образом. Александра никак не представлялась ей в роли руководителя, но пути Господни неисповедимы. Да и не понятно, сколько ей лет. Может быть и двадцать, и тридцать пять.

— Директор комбината, — продолжала щебетать Сашенька, — давний Петечкин друг. Устроил он меня туда, конечно, по протекции, — она откинула хвост и снисходительно посмотрела на Машу. Мол, поняла я все твои мысли, прочитала. — Вначале сопротивлялся, но Петечка его в оборот взял, потому что я Петю крепко держу. — Она посмотрела на свои наманикюренные пальчики, чтобы Маша поняла, чем именно она крепко держит Петра Ивановича.

Скворцова маялась: подробности личной жизни заказчика не интересовали ее ни капли, а Александра все продолжала свою исповедь.

— Петечку я держу крепко, — повторила еще раз девушка с нажимом, — уж слишком много я в него вложила уже, поэтому мой куш сорваться не должен. Поэтому, — Александра внимательно посмотрела на Марию, — Петечку я никому не отдам. Ни кикиморе его старой, ни кому-либо другому, — заключила она.

«Понятно, — разгадала про себя Скворцова, — помечает свою территорию. Чтобы я, не дай Бог, Стройко уводить не вздумала».

Она понимающе посмотрела на Сашу, затем на часы.

— Петр Иванович что-то запаздывает, — отходя от темы, отметила она. В ту же секунду двери лифта открылись и из них появился заказчик.

— Ну, девочки, по коням! То есть в машину, — хохотнул он. Скворцова засмотрелась на мужчину. Понятно, почему Александра так за него держится: в возрасте, но энергичный, спортивный, одет по моде, но не вычурно. То ли это «кикимора» научила, то ли Александра уже постаралась, но выглядел Петр Иванович если не молодым, то молодежь, и притягивал взгляды женщин всех возрастов. Вот и сейчас девушка на регистрационной стойке кокетливо попрощалась с ним и приветливо помахала рукой.

В большой машине Стройко Скворцова ожидаемо заняла заднее сидение. Она расположилась поудобнее — день предстоял длинный. Мария вынула блокнот, исписанный вчера перед сном. Мельком глянула на экран телефона — новых сообщений не было. Александра важной птицей расположилась на пассажирском сидении. Стройко смотрел на нее с нескрываемым восхищением. Сам Петр Иванович властно положил руки на руль.

— Ну, Маша-растеряша, рассказывай, где мне мой отель открывать.

Скворцова откашлялась, открыла блокнот и приготовилась. Заметила, что заказчик насмешливо глянул на нее в зеркало заднего вида.

— Ладно, Маша, не красней, как на уроке. Мы вчера с Сашенькой с важными людьми встречались. Они подкинули нам идею. Есть в Сортавала здание, почти заброшенное. Раньше библиотека была, а еще раньше — городская Ратуша. Здание ничейное. Какой-то фондик его под шефство взял, но безуспешно. Проблема одна — здание в таком аварийном состоянии, что легче его снести.

Маша не поверила своим ушам. Библиотеку она помнила хорошо. На школьных каникулах она ходила туда регулярно, место это знала и любила. Здание окружено было обширным парком, где любили отдыхать горожане.

Изначально на месте, где Ратуша нашла свое место планировалась городская площадь. Благоустройством и озеленением в 1852 году доверено было заняться аптекарю Реландеру. Он, не долго думая, подключил к общему делу все население города: за каждое посаженное дерево платил по золотому рублю. Сам он тоже не оставал и посадил в городе 102 дерева. Позднее городскую площадь решено перенести было в другое место, а посреди парка была выстроена Ратуша по проекту Франса Анатолиуса Шёстрёма, улица получила название Ратушной. В советское время она была переименована и по сей день носила название улицы Ленина. Напротив Ратуши располагался залив, и в жаркие дни не было лучше занятия чем наблюдать за лодками, сидя в тени полуторавековых деревьев. Сама Ратуша — раздолье для глаз. Богатое декоративное оформление, эркер, башенка с гербом и гранитная лестница у входа. В детстве маленькая Маша восхищенно взбегала по ступенькам в таинственное хранилище для книг. Внутри библиотекари устроили все ловко. Стеллажи были расположены прямо у входа, в старом холле. Направо, где когда-то располагался кабинет бургомистра, располагался читальный зал, далее на этаже комната отдыха, где часто

собирались пенсионеры. Второй этаж был отведен под кружки: там было все от конструкторного до вязального.

— Снести и построить что-то новое, — Стройко продолжал, — там вокруг и парк, и залив. На заливе лодки свои поставим, для гостей. — делился планам заказчик.

— Как снести, Петр Иванович? Это же историческое здание, зачем его сносить? Если хочется там гостиницу сделать, так лучше здание восстановить, и там сделать. А в парке тогда зону рекреации поставить, — Скворцова взволнованно перебирала различные варианты.

— Маша, хорошо рассказываешь, да толку чуть в этом. Реставрация стоит денег огромных. Дешевле снести и новое построить, современное. Ну ты не переживай, мы устроим маленький музей памяти Ратуши на территории отеля, — подмигнул ей Стройко.

Скворцова скуксилась. Не по ее плану день пошел. Во-первых, жалко было времени, потраченного на сбор информации, а во-вторых, по-детски грустно от того, что Стройко хочет снести дом, с которым ее связывали теплые воспоминания.

— Знаете, Петр Иванович, я вот не пойму, почему сносить старые здания можно. Считайте, убивать их. А как человека убьешь. хоть старого, хоть молодого — тебя сразу в тюрьму. Между прочим, за снос исторических зданий тоже неплохо было бы за решетку зажать, — голос Скворцовой звучал зло и громко, перекрывая утреннее щебетание радио.

Александра удивленно оглянулась, Стройко с досадой произнес:

— Маша, иногда лучше молчать, чем говорить. Я — твой клиент, и работаешь ты на меня, не забывай об этом. Еще раз такое скажешь я шефу твоему, Андрею Степановичу позвоню, и контракт свой с «Фантазией» закрою. — Стройко сделал радио погромче, давай понять, что разговор окончен.

Маша достала телефон и быстро набрала сообщение Хелене: «Информация больше не нужна, клиент решил сносить здание старой Ратуши. По-моему, он какой-то козел. Обнимаю». Телефон пискнул ответом через несколько секунд: «Здание Ратуши лучше оставить. Вечером тебя наберу. Не грусти».

Маша убрала мобильный в сумку и угрюмо уставилась в окно. Карельский зимний лес одновременно пугал и завораживал. Высокие ели в плотном снежном одеяле темнели иголками в мерцании утра. Далеко за горизонтом в темном небе пробивались первые солнечные лучи. Природа понемногу брала свое, и небесное светило каждый день выкатывалось все раньше и раньше. Зима не спешила отдавать занятый фронт и после каждой оттепели подсыпала еще снега, не сдавалась. Где-то далеко ухали птицы. Какие, Скворцова не знала. Ботаника и биология в школе навевали на нее скуку. Каждый раз, выучив нужные названия для контрольной, Маша тут же забывала их, выйдя из класса.

Путешественники ехали в молчании. Александра несколько раз порывалась прервать затянувшуюся паузу и заводила разговоры о карельской природе, которая хороша в любое время года, но натыкалась на односложные ответы со стороны Скворцовой и Стройко. После нескольких неудачных попыток она уткнулась в свой телефон и, краем глаза Маша увидела, начала с кем-то увлеченно переписываться. Петр Иванович в раздражении выключил радио — утренняя передача своим веселым говором не попала в тональность настроения в машине.

Мария про себя вздохнула. Потянул черт за язык с ее принципами. Какое, в сущности, ей дело до старой Ратуши? Историческое здание, конечно, да и для нее самой — важное. Скворцова до сих пор помнила, как в приятной прохладе читального зала она проводила долгие часы. Родители дома ссорились, обратно ей не хотелось, а библиотеке было

спокойно. Тихая гавань ее летних каникул. Пока бабушка была жива, отец с ними в Сортавала не ездил. После ее смерти, однако, каждый свой отпуск он проводил там. Он быстро там выучил дорогу до ближайшего виноводочного, и все дни проводил на кухне. Маша, помотав головой, стряхнула с себя неприятные воспоминания, которые так и норовили затащить ее обратно в детство. В настоящем, если Ратушу нужно снести для постройки, которая ей, Скворцовой, сулит новую работу и возможности, то так тому и быть. Сентиментальность еще никому добра не сделала. С культурной точки зрения, конечно, нехорошо. Но не первое это здание, и не последнее. Наскоро договорившись с совестью, Маша проверила сообщения. Надо же! Она и не слышала — на экране мелькало уведомление от Берга. Маша в волнении открыла сообщение. «Хелена говорит, что ты спасаешь исторические застройки от сноса. Так держать! От Руфуса привет!». К тексту была приклеплена фотография таксы Берга — пожилого Руфуса. Маша умиленно улыбнулась тому, как мило в бородке у того проглядывались седые волоски. Настроение после этого коротенького привета моментально улучшилось.

— Петр Иванович, посмотрим все здания, и Ратушу тоже. Кто знает, может вы ее своими глазами увидите и передумаете! — Машин голос раздался в тишине автомобиля.

— Поживем-увидим! — коротко, но уже дружелюбно ответил ей Стройко. Александра оторвалась от телефона и облегченно улыбнулась. Похоже, буря миновала.

Все пансионаты Стройко ждали владельца в полной боевой готовности. Полы вычищены, окна вопреки снегопадам — чистейшие. Управляющие заискивали перед Петром Ивановичем и чистым пионерским голосом докладывали об успехах собственного предприятия. Стройко довольно кивал и смотрел на подопечных, как господин смотрит на своих крепостных. Каждый норовил урвать лишний рубль на рекламу, бюджет и зарплаты. Петр Иванович жалование положил работникам не очень большое, поэтому текучка кадров была страшная. Мария знала об этом, так как одна из горничных уволилась накануне нового года, когда количество часов в смене резко возросло никак не отразившись на банковском счете. Работница грозилась пойти в местную газету и разоблачить петербургского предпринимателя, и Стройко привлек «Фантазию», чтобы помогли предотвратить скандал. Дело решилось довольно быстро — решено было попросту откупиться от бывшей сотрудницы, а всем другим в пансионате сделать памятные подарки к празднику. История закончилась, но осадок остался. Близилась майские, а за ними и летние каникулы — работы будет много, и людям хотелось получить за нее достойные деньги.

Стройко отшучивался. Говорил что-то про кризис, короновирус и нестабильную ситуацию. Маша внутренне возмущалась. Вот ведь жук этот Петр Иванович. Конечно, в мире и стране кризис, но именно на его бизнесе этот мировой коллапс отразился по-хорошему. Все комнаты были расписаны вплоть до первого сентября, много заявок на осень, а про Новый год и говорить нечего — снова лист ожидания. И знал об этом клиент! Вот ведь скряга. Скворцова снова посмотрела на него и увидела его опять по-другому. Если вчера за обедом он показался ей постаревшим ловеласом, знающим свое дело, а сегодня утром слегка беспринципным, но очень импозантным мужчиной средний лет, то на встречах она увидела в нем коммерсанта с гнильцой, который не чурается зарабатывать чужим трудом. Она покачала головой, пока никто не видел. Теперь можно и подумать дважды, а то и трижды. Неизвестно, как он относится к сотрудникам в офисе. Может быть, и им рассказывает сказки о затянувшемся кризисе.

Напоследок оставили жемчужину Стройко. Турбазу на самом берегу Ладожского озера. Там к их приезду подготовились на славу. Директор базы встречала их, с порога предлагая кофе, чай и пирожки. Маша осталась у крыльца и в восхищении оглянулась вокруг. Неудивительно, что в этот пансионат их клиенты возвращались снова и снова. Само здание — старый отремонтированный особняк, тоже финской постройки, каменный, построенный навека. Его, Маша знала, Стройко купил совсем за бесценок еще в девяностые, и привел в порядок. Теперь, раз в год, св несезон, пансионат закрывался на две недели на профилактику: обновляли стены, добавляли современных деталей в интерьер, проверяли трубы, как водопроводные, так и печные. Это был единственный объект, за которым Петр Иванович берег, как зеницу ока. Маша знала, что он и сам туда сбегает на выходные время от времени.

Екатерина Андреевна, статная женщина лет пятидесяти, возглавлявшая пансионат после долгих приветствий, пригласила их для разговора в комнату отдыха. Постояльцы все разошлись, кто куда — кто на снегоходах кататься, кто на лыжах, а кто-то просто прогуляться по таинственному карельскому лесу, поэтому помещение было в их полном расположении.

Управляющая закрыла двери и села на кресло около камина, как настоящая хозяйка. Скворцова расположилась к креслу рядом, Стройко с Александрой сели на диване напротив. За окном упала уже тяжелая карельская ночь, за тучами поблескивал полумесяц. Камин трещал за спиной у Маши и впервые за день она почувствовала себя по-настоящему уютно. Она откинулась на мягкую спинку кресла и оглянулась вокруг. Витражное стекло зелено-желтого цвета предавало комнате неясное свечение, от которого обстановка в комнате казалась сказочной. Вместо настольных ламп в гостевой использовали свечи, как и полтора века назад, когда дом был построен. Скворцова закрыла на секунду глаза. Вот бы подремать в этом кресле, обволакивающим тело со всех сторон. С усилием она заставила себя выпрямиться. Выспится дома, сейчас еще последний рывок.

Екатерина Андреевна мягко откашлялась.

— Петр Иванович, мы рады, что вы к нам, так сказать, с официальным визитом прибыли, — управляющая сложила руки на коленях в замок и внимательно посмотрела на Стройко. Сидела она статно и была похожа, скорее на владелицу, чем наемного рабочего. Строгая прическа придавала ей вид еще более взыскательный, и казалось, что это она вызвала Стройко на встречу, а не он приехал с ревизией.

— Екатерина Андреевна, что ж вы так официально, — усмехнулся Стройко, — мы с вами уже давно не чужие люди. Рассказывайте, что тут у вас и как.

— У нас все так, как и у всех. Бронирования уже как на год вперед, еле-еле удалось нашу ремонтную неделю вставить. Уже сформировался свой костяк клиентов, мы им, конечно, всегда и специальные предложения даем, даже подарки к их приезду готовим. Рейтинг у нас по региону самый высокий.

— Ну вот и хорошо, а в чем проблема-то? Проблема, как я понимаю, есть? — Стройко поднял брови, сложил руки в замок и чуть наклонился вперед в кресле. Ему, поняла Скворцова, неуютно стало в позиции гостя в собственном пансионе, и этим хотел перетянуть переговорную силу на себя. Однако, Екатерина Андреевна оказалась не из робких. Заметив движение Петра Ивановича, она откинулась на спинку кресла и властно положила руки на подлокотники. Посмотрела на него яркими глазами в глубине ровно покрашенных ресниц.

— Проблема у нас, Петр Иванович, как и у всех. Одна и та же. Мы очень мало платим работникам. А зимой история с Леной Петровой оставила отпечаток на всех. — Стройко поморщился при упоминании горничной, которая зимой заставила всех поволноваться. Екатерина Андреевна продолжала.

— Город у нас маленький, Лену многие знают. Она, естественно, не утаила, что вы от нее просто напросто откупились. И многие хотят шантажом получить свой куш, раз уж честным трудом не получается.

Стройко поморщился. Маша наострила уши. Разговор принимал совсем не мирный оборот.

— Екатерина Андреевна, я плачу ровно столько, сколько могу. Те, кому не нравится, вольны выметаться и искать работу в другом месте. Я новых сотрудников мигом найду, полы подметать много ума не надо. Вон даже Скворцову, — он кивнул в сторону Маши, — отправлю к вам в долгую командировку, — будет и убирать, и новых работников искать.

Мария хотела было возразить, но вовремя осеклась. Настоящей власти над ней Стройко не имеет, как бы ему и не хотелось. Сова никогда не позволит, чтобы она время свое драгоценное на такое тратила. Или позволит?

— Петр Иванович, — неожиданно твердо ответила управляющая. Надо же, не ступевалась перед напором, — мы с вами уже давно вместе работает, поэтому я вам подружески скажу. Нашими, то есть вашими объектами заинтересовался некий господин Верховодцев, московский бизнесмен. Но это он сейчас — столичный делец. А вырос-то он тут, в Сортавала, и с нашим мэром за одной партией сидел, да и с другими властьющими на короткой ноге. Понимаете, к чему я клоню? — Екатерина Андреевна вопросительно наклонила голову набок и насмешливо, как Скворцовой показалось, смотрела на Стройко.

Тот мрачно кивнул.

— Понимаете, что вы хоть и давно известный человек у нас в округе, но если Верховодцев на самом деле, — с нажимом продолжала женщина, — на самом деле захочет объекты себе получить, вас уберут, так или иначе. Но если вот работники будут довольны, то и управляющие тоже. То есть мы, теоретически, можем за вас словечко замолвить. Я ведь нашего мэра тоже знаю давно — мой брат с ним рыбу удить ходил, еще когда деревья были большими. А можем и не замолвить. Выбор за вами.

Петр Иванович сосредоточенно смотрел на пол. Александра поняла, что разговор идет серьезный, и перестала нетерпеливо стучать по столу маленькими пальчиками. Маша тоже притихла — ждала реакции Стройко. Клиент держал долгую паузу.

— Петр Иванович, решение нелегкое и небыстрое, и я вас торопить не буду. Однако гости наши уже скоро со своих прогулок возвращаться будут. Стемнело. Не будем омрачать им отдых. Люди сюда расслабиться приезжают, забыть о деловых вопросах. — сказав это, она поднялась с кресла и открыла двери в гостевую, давая понять, что аудиенция закончена.

Маша не могла поверить своим глазам, Стройко, казалось, тоже. Где это видано! Управляющая выставляет его с его же объекта. Еле сдерживаясь, Петр Иванович, взял дубленку и направился к выходу, не говоря ни слова. Александра засеменила рядом, Скворцова кинулась им вслед.

В машине клиент разразился такой тирадой, от которой у Маши, которая сама общалась с ремонтниками своей ипотечной квартиры, уши свернулись в трубочку и словно ушли внутрь головы. Александра сидела, вжав голову в плечи, — таким своего возлюбленного она не видела еще никогда. Он же с каждым предложением распался все больше и больше.

Мария всерьез начала бояться, что от гнева можно легко потерять управление машиной. Оказаться зимой в кювете ей не хотелось, поэтому она изо всех сил пыталась поймать взгляд Александры, которая усиленно отворачивалась к окну.

— Петр Иванович, Петр, — решила прервать гневную тираду Маша, — ведь еще ничего не решено. Мы с вами еще все можем решить, улучшить. Можем даже Андрей Степаныча нашего дернуть, как только он от больницы очухается. — Скворцова тараторила, ей хотелось как-то сиюминутно уладить ситуацию.

— Маша, Машентка! Хватить гоношить. Я этого Верховодцева знаю, вернее, про него знаю, — Петр Иванович ответил уже спокойнее. В зеркале Маша отметила, что взгляд его стал спокойнее и сосредоточеннее. — Он в Питере уже половину скупил у других купил. Я ему сам тоже через посредников дачу продал в Сестрорецке. А теперь вот оно что. Замахнулся на все мои объекты. На своей исторической Родине. Я не знал, что он с мэром близко знаком, да и мэр вчера ни словом не обмолвился. Стервец! — с чувством сказал Стройко. К кому это относилось, Мария уточнять не стала.

— Петечка, — подала голос Александра, — может тебе эти объекты продать, пока не поздно. И купить в Сочи или хоть Краснодаре. В эту тьму таракань нормальные люди ни за что не поедут. Тут даже ци-ви-ли-за-ции, — это слово девушка произнесла по слогам и шепотом, чтобы Маша на заднем сидении не услышала, — нет. Вон даже телефон толком не работает.

— Саша, ты-то не лезь, не до тебя сейчас, — осадил девушку Стройко. — Ты еще маленькая, не понимаешь, что сегодня через Екатерину нашу, свет, Александровну, Верховодцев сообщение мне передал. Посторонись мол, приятель, не то хуже будет.

— Убьет он тебя что ли? — испуганно округлила глаза Александра. У Скворцовой внутри все похолодело.

— Ну убить, может, и не убьет. Но уберет. Одного дяденьку он с мальчиками сфотографировал и все. Теперь никто и знать не знает, где этот дяденька. Наши патриархальные больше с ним дела иметь не хотят. А был же большой человек.

— Скажешь тоже, — фыркнула Саша, — тебя же с мальчиками никак не сфотографируешь.

— Сашенька, говорю тебе, ты маленькая еще. Всего не знаешь, и слава Богу, — Петр Иванович с любовью посмотрел на девушку. Он заметно успокоился, но лицом остался тревожным. Тягостные думы завладели его сознанием.

Маша задумалась. Ситуация вырисовывалась непростая. Нужно срочно позвонить Сове и доложить ему обстановку. Если случится так, что Стройко так или иначе останется без объектов в Сортавала, их «Фантазия» лишится главного проекта. Навряд ли Верховодцев вместе с пансионатами в нагрузку возьмет и их. У него наверняка свои есть люди. Значит, будут они сидеть с девочками без работы, Сова будет злиться, так и до увольнения недалеко. Необходимо было что-то придумать.

В гостиницу вернулись в молчании. Скворцова размышляла над судьбой агентства и своей собственной, Стройко — о том, как перехитрить Верховодцева, не испорти с ним отношений, Александра — как быстрее сменить ставшего неудачливым Петра Ивановича на более совершенную модель помоложе.

— Тебя тут только не хватало, — выдохнул Петр Иванович, едва открыв дверь в фойе отеля.

Мария перехватила его взгляд, устремленный на аккуратную женщину лет пятидесяти. Выглядела она чрезвычайно опрятно, словно сошла со страниц журнала «Домашний Очаг». Густые волосы филигранным пажом обрамляли чуть увядшее, но все еще красивое лицо. Макияж умело подчеркивал голубые глаза и точеные скулы посетительницы. Одежда подобрана со вкусом: бежевый дорожный костюм без единого пятнышка легкий бирюзовый пуховик, небрежно накинутый на плечи, образ завершали модные сапожки-дутики. Скворцовой вдруг стало стыдно за свой внешний вид: ее собственные джинсы были заляпаны грязью по колено, свитер теплый, но в катышках, а куртка после каждого снегопада приобретала все более жалкий вид. Однако она заметила, Стройко смотрел на женщину с досадой, а Александра — с презрением.

— Петя, вот ты где. А я решила тебе сюрприз сделать, — женщина потянулась обнять Петра Ивановича, но он ловко увернулся от объятий. — А мне говорят, тебя нет, но вот же ты, — засмеялась незнакомка.

— Кикимора зачем сюда явилась, — прошипела Александра за Машиной спиной. Скворцова сообщила, что женщина — это никто иной, как госпожа Стройко.

Петр Иванович молчал и буравил глазами свою жену. Та, казалось, не обращала на это никакого внимания и продолжала.

— А ты вот тут. Да я посмотрю и не один.

— Я — Мария Скворцова, из агентства «Фантазия». Петр Иванович — наш клиент, — бодро отрапортовала Скворцова, чтобы разрядить обстановку. Однако женщина смотрела мимо Маши. В упор она разглядывала стоящую за ее спиной Александру.

— Люда, ты зачем сюда приехала? Я же сказал, что вернусь через несколько дней, — почти жалостливо произнес Петр Иванович.

— А я затем приехала, Петя, что ты мой муж. Венчанный. И только смерть разлучит нас. А не какая-то шавка, — Людмила метнула гневный взгляд в сторону Саши.

— Значит так, я с тобой по праву в одном номере жить буду. А эта, — она свысока посмотрела на свою конкурентку, — пусть живет, где хочет.

Скворцова вернулась домой. Она выскользнула из гостиницы сразу, как смогла. Быть свидетелем чужой драмы ей не хотелось, а драма начала разыгрываться нешуточная. Обе женщины каким-то нелепым образом хотели каждая остаться единственной для Стройко, который выглядел вдвойне несчастным. Мужчину можно было бы и пожалеть, в один день и бизнес оказался под угрозой, и две дамы сердца — бывшая и нынешняя — захотели окончательно застолбить за собой место в его жизни. Мария, однако, ничего кроме пренебрежения к Петру Ивановичу больше не испытывала. «Сам постелил себе, теперь и спи», — подумала она.

Дома было шумно и вкусно пахло. Мама хлопотала на кухне, где ей услужливо помогал Семен Алексеевич. Тетя Тоней с Софьей оживленно беседовали на диване. На фоне работал телевизор, но никто его не смотрел. В квартире царила почти праздничная, легкая атмосфера. Мама заметила Машу и широко улыбнулась. Семен Алексеевич смутился. Вид у него был чрезвычайно домашний — мама выдала ему фартук, в руках была нож, которым он старательно рубил приятно пахнущую зелень. Скворцова повела носом — похоже, на ужин будет уха. Аромат бульона щекотал ноздри и приглашал за стол.

Маша не успела раздеться, как телефон из сумки подал сигнал сообщения. Стройко в приказном порядке велел ей явиться в Ратушу к 21.00. Скворцова разочарованно посмотрела

на часы, время пол-восьмого. Черт его дернул так поздно назначать встречу? Видимо, перспектива коротать вечер в компании жены и любовницы казалась Петру Ивановичу совершенно невыносимой. Да и некий господин Верховодцев наступал на пятки. Нужно было ковать железо, пока горячо!

Девушка разочарованно опустила плечи. Мечты о спокойном вечере можно оставить. Нужно позвонить Хелене, наскоро перекусить и мчаться на встречу. Быстро кивнув всем домашним, она закрылась в спальне и набрала подругу по видеосвязи. Хелена ответила тут же, и Маша в маленьком экране телефона увидела яркие рыжие волосы своей подруги и немало удивилась, в прошлый раз прическа отдавала розовыми тонами. Хелена была совершенно уникальным работником архива в Мариехамне, столице Аландских островов: вместо строгих юбок носила кожаные шорты даже зимой, вместо рубашек — свободные кофты. При этом о ее профессионализме ходили легенды. Маша знала, что до пандемии Хелена почти каждый месяц ездила в разные архивы Финляндии и Скандинавских стран помогать коллегам усовершенствовать процесс. Сейчас, конечно, она консультировала больше онлайн, но и ее дистанционные вебинары были так популярны, что иной раз ей было сложно найти время, чтобы поговорить с приятельницей из России.

Хелена задорно улыбнулась.

— Ну что, спасительница? Что твой заказчик, стоит Ратушка на месте? — спросила она на шведском. — Ха-ра-шо, — уже на русском прибавила Хелена. С октября прошлого года она решила заниматься русским и делала маленькие, но успехи.

Маша сокрушенно покачала головой и вкратце рассказала ей подруге события прошедшего дня.

— И ты представляешь, — прибавила она в конце, — мне еще тащиться с ним на встречу на ночь глядя. Видимо, его сердечные подруги измотали его вконец, что он только и хочет сбежать от них подальше.

Хелена хохотнула.

— Ну, подруга, у тебя и клиент! Смотри, как бы он тебя третьей в гарем свой не позвал.

Маша отмахнулась. Вступать в неравный бой за Стройко она точно не собиралась.

— А как там Андерс? — как будто ненароком спросила Скворцова. Хелена по другую сторону экрана улыбнулась. Она знала, что Андерс Берг, полицейский и, по совместительству, ее бывший одноклассник, нравится Марие.

— А Андерс в порядке, работает. Иногда только появляется в обществе выпить пару пива, один. — Факт, что полицейский был один, она прибавила специально — поняла, что скрывалось за невинным Машиным вопросом.

Скворцова глянула на часы. Стрелка почти дошла до половины девятого, она и не заметила, что проболтала с Хеленой почти час. Время пронеслось незаметно, но сам разговор вышел очень толковый. Вместе они разработали план, который поможет Стройко открыть свой бизнес, прослыть благодетелем Сортавала и тем самым поставить Верховодцева на место. Мария без стеснения думала, что план был гениальный. Главное, чтобы Стройко в него так же сильно поверил.

Девушки попрощались. Маша вышла из спальни в гостиную, где уже приветливо был накрыт стол. Она с сожалением поплелась в прихожую.

— Мамуль, ты мне уши оставь, я поем, когда приду. Стройко мой вызывает меня в Ратушу. Помнишь, где библиотека раньше была? — краем глаза Мария заметила, что мама ей утвердительно кивнула. — И ты представляешь, он Ратушу хочет снести — старое,

говорит, здание. И на месте этом, соответственно, построить свой новый спа отель.

— Ну как же можно-то? — всплеснула руками Анна Ивановна. Ответа дочери она уже не услышала. Мария спешно накинула пуховик и вышла за дверь.

Часть вторая

Маша устало показала паспорт участковому. Хотелось есть, пить и заснуть, чтобы утром проснуться и понять, что сегодняшний день был кошмарным сном. Вид безжизненного тела Стройко то ли дело всплывал в памяти, стоило едва прикрыть глаза. Несколько часов назад Петр Иванов строил планы по постройке нового отеля, наверное, даже мечтал о чем-то. Теперь лежит в черном пакете в городском морге. Наверняка, полиция уже оповестила его жену — как кстати она оказалась в городе. «Интересно, что они скажут Александре, и скажут ли?» — задумала Маша.

Участковый тусклым голосом попросил ее пройти «на пальчики». Сидевший в комнате с Машей Семен Алексеевич встрепнулся.

— А на пальчики-то зачем? Вы меня подозреваете что ли? — Маша тоже заволновалась.

— Пока нет, но все может быть, — рассеянно ответил служивый.

Знакомая уже Маше девушка безразлично вдавливала подушечки пальцев в чернильную губку. Скворцова разглядывала свои руки и думала, что краска долго не смоеется. Женщина-полицейский методично вдавливала пальцы, переходя от одного к другому. Она вздыхала. Наверное ей, как и Марие, хотелось домой.

С формальностями было покончено. Скворцова устало село в машину к Семену Алексеевичу. Мама взволнованно спрашивала что-то, теребила ее за рукава и заглядывала в лицо. От усталости она только невразумительно шептала в ответ. Дома она под удивленные взгляды всех домашних прямо в одежде легла на неразложенный диван и моментально уснула.

Глава 8

Утром гул отдаленных голосов разбудил Скворцову. Ей снилось, что она упала в глубокий колодец. Вокруг кружились обеспокоенные лица мамы, Андерса и почему-то Семена. В мозаике сновидения они смотрели на Машу и что-то говорили, говорили. Сверху тоже слышались голоса, но разобрать слов она не могла, как впрочем и понять, кто говорит. Наконец, сосредоточившись в своей сонной дреме, она услышала.

— Нет, Маша ни при чем. Зачем ей убивать этого Стройко, она в первый раз его вчера увидела, — голос принадлежал Анне Ивановне.

— Анечка, — это ей ответил Семен Алексеевич, — я знаю, ты знаешь. И Виктор Александрович тоже знает. Но каким-то образом она оказалась в Ратуше в момент убийства. И отпечатки в том числе и Машины, обнаружены на орудии убийства, — сокрушенно добавил он.

Мария усилием открыла глаза. Все тело онемело — она так и проспала в одной позе, полностью одетая. Кто-то, должно быть мама или тетя Тоня, укрыли ее клетчатый пледом, от которого было жарко. Голова раскалывалась. Она осмотрела компанию, собравшуюся за столом. Мама, тетя Тоня, Софья и Семен Алексеевич сидели вокруг стола. Во главе сидел незнакомый мужчина в тяжелом шерстяном пиджаке. Он сидел нахохленный на маленькой гостевой табуретке и шумно прихлебывал из чашки, локти нелепо свисали по бокам — ему было тесно за столом. Остальные смотрели на незнакомца с почтением, мама подливала кофе в чашку, тетя Тоня подвигала ближе тарелку с бутербродами. Неизвестный от повышенного внимания не тушевался и смело брал все предложенное.

— Проснулась, дочка! — всплеснула руками мама и подбежала к дивану. Она внимательно посмотрела на Скворцову, потрогала щеки и лоб, словно проверяя, есть ли у нее жар. Анна Ивановна вглядывалась в дочкино лицо. Маша мягко убрала ее руки и потянулась. Ей хотелось сходить в душ, переодеться в пижаму и на этот раз лечь спать по-настоящему: на подушку, под теплое невесомое одеяло, но делать это под пристальным взором соседней и незнакомой мужчины ей категорически не нравилось. Домашние смотрели на нее в упор, разглядывали словно увидели ее в первый раз. Наскоро пригладив волосы, Маша села. Тут же мама поставила перед ней поднос с завтраком.

— Машенька, тут к нам Виктор Александрович Приходько зашел, — незнакомец кивнул Скворцовой. — Он — Семин бывший одноклассник и, по совместительству, начальник убойного отдела. — Анна Ивановна уважительно посмотрела на человека в пиджаке и подлила еще кофе.

Виктор Александрович смотрел на Машу. Лицо его не выражало никаких эмоций. Он неотрывно изучал глазами заспанную девушку, явно растерянную. Скворцова же старательно пыталась понять, почему на их кухне, ранним утром сидит начальник убойного отдела.

— Маша, здравствуйте, — с легкой хрипотцой произнес Виктор Александрович, — меня тут Семя попросил зайти. Такое дело... Дело на самом деле не очень хорошее, — продолжал он, — пришла экспертиза из Петрозаводска. Так вот, в том числе ваши, обнаружены на орудии убийства.

Маша открыла было рот, чтобы что-то сказать, но слов не находила. Она лишь ошарашенно смотрела на Виктора Александровича.

— Дело, как я говорю, не очень, — Виктор Александрович отпил из чашки. — Другие отпечатки мы еще пробиваем. Сегодня утром взяли у жены покойного да у зазнобы его любовной. Обещали к вечеру прислать. Еще есть какие-то минимум человека два-три.

— А орудие убийства-то какое? — сообразила спросить Мария.

— А я не сказал? — удивился начальник убойного отдела, — орудие — нож и довольно тупой. Стройко ударили несколько раз, последний удар пришелся прямо в сердце и стал смертельным. Если б убийца не попал в него, а судя по всему попал он туда случайно, Стройко бы выжил да сам бы нам все рассказал. Но теперича чего говорить, надо убийцу искать, — подытожил Виктор Александрович.

— Так а кто его убил? — не поняла Маша.

— Так вот в том-то и дело. Сергей, он вчера тебя в участке оформлял, — Скворцова кивнула — помнит его, — Сергей наш считает, что ты его убила. Но я смотрю на тебя и вижу, что ты вряд ли кого-то убивала. Ну, может, назойливого комара когда-то.

— Вы меня арестовывать приехали? — угрюмо спросила Скворцова.

— Никак нет, — развел руками Приходько, — пока нет во всяком случае. Я зашел с Семеном повидаться да с тобой потолковать, раз уж так сложилось. Ты как сама думаешь, кто Стройко мог убить? Не слышала ли ты чего подозрительного в Ратуше?

Шестеренки в машинной голове лихорадочно закрутились. Она сама себе этот вопрос задавала вчера несколько раз, пока была в полиции. Кому понадобился Петр Иванович? К этой задаче прибавилась теперь еще одна: каким образом на ноже оказались ее, Машины, отпечатки. Девушка в изнеможении закрыла глаза.

— Не знаю, — не размыкая век промычала Скворцова. — Мы вчера со Стройко целый день по объектам ездили. Вечером он меня в Ратушу позвал. Он Ратушу снести хотел и поставить отель класса люкс на этом месте. Для нашей телевизионной и политической элиты.

— А почему так поздно вечером? — удивился Виктор Александрович.

— Вчера в отель приехала его жена. А в отель изначально Стройко заселился со своей любовницей, Александрой. И две дамы начали нехилый бой за его сердце прямо на глазах всех в отеле. Думаю, Петр Иванович просто захотел сбежать из напряженной ситуации и заняться работой. Ведь на работе у него тоже случился косяк, — Маша задумалась. — Вчера на последнем объекте произошел неприятный разговор. Екатерина Андреевна, управляющая, — пояснила всем собравшимся Маша, — сообщила, что объектами Стройко заинтересовался некто Верховодцев.

— Верховодцев? — удивленно воскликнул Виктор Александрович. Семён, сидевший рядом, тоже озадаченно поднял брови.

— Интересная картина вырисовывается, — задумчиво крикнул Приходько. — Верховодцев у нас в округе — фигура заметная, знаменитая, можно сказать. Он же местный, в Москву, конечно, уже давно перебрался, но корни свои не забывает. Благодетельствует то тут, то там. Площадки детские открывает.

— Как думаешь, Саныч, он что ли Стройко этого порешил? — спросил Семен Алексеевич.

— Вряд ли, Сёма, — задумчиво произнес Приходько, — он мокрухой не занимается. Женщины за столом поморщились, услышав жаргонное слово. Виктор Александрович виновато улыбнулся, что поделать, профдеформация.

— Маша, а скажи-ка мне вот что, — Виктор Александрович перешел на «ты», —

Екатерина Андреевна говорила что-нибудь из-за чего Верховодцев хочет объекты для себя? И что она сама по этому поводу думает.

Скворцова задумалась.

— Екатерина Андреевна, как мне показалось, совсем не против под началом Верховодцева начать работать. Стройко по своей натуре жадноват и работникам платит по самой минимальной ставке. У нас в Новый год скандал был: одна горничная уволилась и грозилась пойти в газеты. Петр Иванович от нее откупился, но, похоже, другие захотели пойти по ее пути. Екатерина Андреевна дала понять, что Верховодцев готов платить всем больше. Соответственно, все с большим удовольствием стали бы работать на него.

— И еще, — прибавила Маша, — управляющая мягко дала понять, что если Стройко не согласится либо на повышение зарплат, либо на продажу Верховодцеву, его уберут. А вечером Петр Иванович умер. Так что же это получается, — округлила глаза Скворцова, — Верховодцев что ли его приказал убрать?!

— Уж больно топорно получается, — покачал головой Виктор Александрович, — такие люди как Верховодцев действуют тоньше. Да и убирать вот так, убийством, да таким неловким. Сейчас уже не девяностые. Хотя все может быть, — заключил Приходько.

— А расскажи-ка мне еще, ты каким образом со всеми этими Петрами Ивановичами связана? — Приходько посмотрел на Скворцову, — да ничего не упускай. Все может быть важно. Тем более, что пальчики твои на ноже есть.

Мария вздохнула. Отхлебнула остывшего кофе и принялась рассказывать. Она старалась вспомнить самую маленькую деталь нескольких последних дней.

Приходько ушел, аккуратно записав рассказ в свой издавший виды блокнот. На пороге он попрощался тепло со всеми и обещал держать в курсе хода событий. Маша так и осталась сидеть на диване, во вчерашней одежде, не в силах подняться. За Виктором Александровичем в след ушли и Софья с Семеном. Мама с тетей Тоней начали убирать со стола. Маша равнодушно следила за ними. Чтобы избежать тревожных взглядов, которые то и дело кидали на нее женщины, она поднялась с дивана и пошла в ванную.

В ванной она разделась и сложила вещи, пропахшие дорогой, убийством и тюрьмой в корзинку для белья. Скворцова посмотрела на себя в зеркало. Беспокойная ночь и тревоги залегли тенями и морщинами на лице. Глаза лихорадочно блестели, и Маша даже потрогала свой лоб — не поднялась ли от волнений температура. Лоб был потный, но холодный, к нему неровными прядями прилипли волосы. Мария встала под теплый душ и начала намыливать все тело. Нехитрые банные процедуры всегда помогали ей прийти в себя и вернуть мысли на место. Почти полностью равнодушная к декоративной косметике уходовую она любила. Гели, скрабы для тела, бесконечные лосьоны с запахом и без, сыворотки и маски для лица — все это ей очень нравилось. После душа она протерла запотевшее зеркало полотенцем и порадовалась виду: она выглядела менее уставшей, щеки порозовели. Маша с удовлетворением отметила, что выглядит она все же неплохо. Да, не так холено и ухоженно, как Александра, но все же в ее естественности был свой шарм. Она достала любимый крем для тела с запахом печеного яблока и тщательно намазала каждый сантиметр своего тела. Чем меньше оставалось в банке средства, тем больше вопросов возникало в Машинной голове. Кто убил? Когда? (на этот вопрос, конечно, легче всего было ответить. Судя по всему убийство произошло всего за несколько минут до того, как она вошла в Ратушу). И из-за чего? Каким образом ее отпечатки остались на ноже? «Ничего, —

подумала Маша, — я обязательно найду того, кто убил Стройко. А поможет мне в этом Андерс».

Мария решительно вышла из ванной, села за стол и заметила, что мама сварила еще целый кофейник. Не произнося ни слова, Анна Ивановна поставила перед дочерью чашку, придвинула к ней вазочку с конфетами. Завтрак уже прошел, обед не наступил. Самое время для перекуса. Сама она пристроилась рядом, напротив со скорбным лицом уселась тетя Тоня.

— Надо нам, доченька, с этим делом разобраться, — начала мама, — хорошо, что Сёма, то есть Семен Алексеевич знаком с Приходько. Так мы сможем получать внутреннюю информацию. Но самим тоже надо шевелиться, а то не ровен час и тебя под белы ручки — Анна Ивановна не закончила фразу, а лишь развела руками. Маша удивленно посмотрела на мать.

— А что? — ответила на ее взгляд Анна Ивановна, — мы с Тоней «Тайны следствия» смотрим, знаем, как все может обернуться. Сдается мне, ты в эту историю попала случайно, но злоумышленник, похоже, и рад был. Антонина Михайловна кивнула. Судя по всему, пока Мария предавалась размышлениям под душем, они обсудили ситуацию и даже составили план действий.

— Мамуля, вы не переживайте. Я уже и сама сообразила, что кто-то решил меня подставить, раз я так удачно в Ратуше оказалась. Только вот кто? Этого я никак не могу понять. И, если честно, вообще не понимаю, кому потребовалось убивать Стройко. Бизнесмен он не богатый, скорее средней руки. Ума ни приложу, неужели и правда этот Верховодцев решить его убрать? — Маша озадаченно пила из кружки и разворачивала фантик за фантиком. — А ты знаешь его? Ежели он земляк твой?

Анна Ивановна заметно поморщилась.

— Верховодцева самого я знаю шапочно, но про него много знаю. Он фигура в городе всегда был заметная. Учился он класса на классов на пять-шесть младше, стало быть сейчас ему около шестидесяти. Он еще в младших классах умудрялся фарцевать. Отец его получал товары из Финляндии, сама понимаешь — незаконно — и пристроил Диму, так Верховодцева зовут, торговать. Вначале тот просто бегал по поручениям «подай — принеси», а потом и сам стал товар привозить и торговать. Чего греха таить, мы с Соней сами у него пару раз чулки покупали, но потом перестали. На руку он был нечист. Цену одну назначит, потом другую просит, и деваться уже некуда. Даешь, сколько говорит. — Анна Ивановна вспоминала и в задумчивости крутила пальцем по ободку кофейной чашки. — Потом уже он уехал в Петрозаводск учиться, там он стал, как это сейчас называется, бизнесменом. В те времена мы еще называли таких людей как есть — бандитами. А уже в начале девяностых он в Москву подался, и там уже развернулся, как хотел. Теперь вот он в Сортавала главный благотворитель. Софья рассказала, что даже школу нашу, где мы все учились, собираются его именем назвать.

— Ну попала ты, Маруся, — изрекла молчавшая до этого Антонина Михайловна. — Надо нам про Стройко, да и про Верховодцева побольше узнать. Только как? — она озадаченно посмотрела на Скворцовых.

— Есть у меня идея одна, — сказала Маша, — только надо мне позвонить. Она достала свой телефон, в котором еще теплилась одной палочкой зарядка. Вчера она совершенно не вспомнила подключить аппарат. Скворцова нашла в адресной книге номер Андерса Берга и отправила сообщение. «Влипла в историю. Могу обвинить в убийстве, нужна помощь».

Ответ не заставил себя ждать: «Ну ты даешь!! Позвоню через пару часов». Маша облегченно вздохнула, поставила смартфон на зарядку и открыла компьютер. До звонка она хотела поработать.

Через несколько часов Маша удовлетворенно посмотрела на свои записи.

Первым делом она, конечно, позвонила Сове. Услышав об убийстве главного и самого важного клиента «Фантазии», директор бросил трубку. Через несколько минут, придя в себя, он перезвонил Скворцовой и завалил ее вопросами. Шеф был безутешен, он оплакивал Стройко, как родного. Мария и сама понимала, что смерть эта ударила их маленькую компанию под дых. Андрей Степанович более спокойно отнесся к новости о том, что Маше, одному из его самых главных сотрудников, может быть предъявлено обвинение в убийстве.

— Ну ты же, Скворцова, не убивала его? Или пырнула все же нашего благодетеля? — шуточно поинтересовался он.

— Не убивала, конечно, сдался он мне. Кто нам деньги-то платить будет теперь? — хмуро отозвалась Мария. — Ты мне вот что скажи, Андрей Степаныч. Как ты Стройко к нам в клиенты заманил? Мы компания маленькая, местечковая даже можно сказать. Почему Петр Иванович к нам обратился, а не кого-то из Петербурга нанял.

Сова затих на другом конце затих.

— Ты понимаешь, Маша такое дело, — пустился в объяснения Сова. — Дело, конечно, не очень честное вышло, но как есть. Помнишь, я в Петербург ездил перед самым первым локдауном? — Скворцова хмыкнула в трубку, давая понять, что помнит. Андрей Степанович продолжал. — Там люди тогда понимали уже, что дело пахнет керосином и гуляли, как в последний раз. Ну и я с ними. И так в один прекрасный вечер я со Стройко в баре пересекся. Слово за слово, и мы с ним уже на брудершафт за спасение мира пьем. В угаре я все же сообразил протолкнуть ему идею сотрудничества. Петр обмолвился тогда, что его базы в Карелии почти пусты. Я ему и предложил поработать с местным агентством, то есть с нами. Мы же сами колорит весь местный знаем. Да не просто предложил, но и взял у него буквально на салфетке расписку. Как он ее потом не оспорил — я не знаю. Но вышло так, что на следующий день его секретарь мне позвонила, и к вечеру мы уже заключили контракт с ним. На бумаге, самый что ни есть настоящий. Ну а дальше ты сама знаешь.

— Интересно, то есть о «Фантазии» до этого Стройко ничего не знал? — Маша записывала все в блокноте.

— Нет, не знал. Более того скажу, он вообще не знал, что такие услуги где-либо кроме Москвы и Петербурга предоставляются. Он думал, что мы тут в Петрозаводске до сих пор с туеском по лесам ходим. Ты, Скворцова, смотри у меня, хоть в тюрьму не угоди. — заключил Андрей Степанович. Маша клятвенно пообещала сделать все возможное.

После разговора с начальником Скворцова задумалась. Если Стройко до встречи с Совой ничего не знал об агентстве, то вряд ли предполагаемый убийца хотел подставить Машу. Скорее всего, как она и предполагала, в поле зрения она попала случайно, приехав в командировку. Следует об этом рассказать Андерсу в разговоре.

Девушка углубилась в дебри интернета. Удивительно, сколько люди добровольно выкладывают о себе в сети. Вот взять даже Александру — ее профиль Мария открыла первым. Страница не секретная, то есть любой, то знает имя и фамилию может посмотреть, чем она живет. Судя по всему, в Петербург Саша перебралась несколько лет назад из маленького городка в Ленинградской области, а чуть больше двух лет назад она

познакомилась со Стройко. Портретной фотографии Петра Ивановича в инстаграмме, конечно, не было — любовник был женат, но по очертаниям подбородка, рук и спины, которые то и дело мелькали на снимках, Маша вычислила своего убитого заказчика. Стройко Александру баловал: то и дело появлялись снимки с именитыми сумочками, дорогими украшениями, до локдауна Петр Иванович охотно ездил за границу с девушкой. Последняя публикация датирована двумя днями ранее: мужественные руки лежат на руле. Фотографию Саша подписала романтично: «С любимым на север». Фотографии давали понять стороннему наблюдателю, коим сейчас была Мария, что жизнь девушки не обременена заботами, она любима и любит, и живет полной жизнью. Так ли это? Мария черкнула пару заметок в блокнот.

Карточки на страничке Людмилы Стройко разительно отличались — никакой дополнительной обработки и незамысловатые сюжеты: цветы, дачная жизнь, посиделки с подругами, успехи детей и редкие выходы в свет. В отличие от Александры, Люда не ездила за границу или не афишировала свои поездки. В ленте Петр Иванович появился лишь однажды черно-белой фотографией со скромной подписью «35 лет совместной жизни». На фотографии двое молодых людей влюбленно смотрели друг на друга, не замечая снимающего. Маша посмотрела на дату — публикация была сделана в августе прошлого года, когда Стройко во всю крутил роман с Александрой.

Мария размышляла. Очевидно, что обе женщины знали о существовании друг друга. Стройко не был настолько глуп, чтобы скрывать свой статус. Возможно, с Александрой он и не планировал ничего серьезного, поэтому сразу сказал ей, что женат. Та оказалась хитрее, и Петр Иванович в нее влюбился. И влюбился настолько, что решил развестись. Людмила тоже оказалась неробкого десятка и гулящего мужа так просто не отпускала. Она надеялась вернуть его в лоно семьи, поэтому-то и приехала вчера в Сортавала. Теперь Скворцова жалела, что убежала из гостиницы сразу, как только предоставилась возможность. И из житейского любопытства и для дела было бы полезно узнать, отчего Стройко назначил встречу так поздно вечером.

Сам Петр Иванович Стройко страниц в социальных сетях не завел, однако профиль заказчика обнаружился портале «Ваш бизнесмен». Представленный парадной фотографией Стройко выглядел моложе, чем в жизни. На странице короткими фактами была представлена биография коммерсанта. Родился, учился, женился. Оказывается, несколькими годами ранее Петр Иванович был награжден титулом «Лучший бизнесмен года» и получил награду прямо из рук губернатора Ленинградской области. Отметка о награде была сопровождена фотографией с церемонии. Довольный Стройко принимал диплом из рук властимущего, на заднем фоне горделиво стояла Людмила. Она смотрела на мужа с большим удовлетворением, как Пигмалион смотрит на свою Галатею. Скворцова еще покопалась в результатах поиска. Ничего революционного найти не удалось — несколько заметок об удачном бизнесе, каких-то благотворительных балах, и две — о базах отдыха в Карелии, написанных самой Машей.

Для полноты картины Мария забила в поиске имя «Дмитрий Верховодцев» и первым делом открыла ссылку на уже знакомый портал «Ваш бизнесмен». Профиль Верховодцева походил на профиль Стройко как потерянный в индийском фильме брат-близнец, даже фотографии были похожи. Биография была такая же. Родился, учился, работал, женился. О фарцовом прошлом, о котором утром поведала Анна Ивановна, ни слова не было — наверняка, работа отдела связи с общественностью. Ничего интересного. Маша открывала

ссылки дальше — в основном деятельность выходца из Сортавала освещали местные же газеты. Московские же журналисты, похоже, не баловали вниманием местечкового бизнесмена. Одна статья привлекла внимание Скворцовой — «Благотворительность, омытая кровью». Маша нажала на ссылку. «Страница удалена или не найдена».

— А вот это уже по-настоящему интересно! — вслух воскликнула она.

Анна Ивановна встрепелась. На другом краю стола она отчаянно боролась с подругой и пыталась обучить ее работе в «Тимз». Антонина Михайловна старалась, но у нее выпадало из головы, куда нужно нажимать, куда смотреть, и как сделать так, чтобы было слышно и невидно, и наоборот. Она основательно подошла к делу и вела записи того, что говорила Анна Ивановна, однако для того, чтобы писать и смотреть в экран Антонине требовались разные очки. Она торопливо меняла их, и это значительно замедляло процесс. Подруги злились друг на друга, ворчали и попеременно порывались прекратить урок, который никому не приносил удовольствия. Анна Ивановна подумала, что Тоня — ее самая нерадивая ученица. Антонина Михайловна в свою очередь усомнилась в профессионализме подруги — слишком легко та теряла терпение, объясняя новый материал.

— Машенька, что случилось? — с готовностью отозвалась мама. С Тоней они обступили Машу со всех сторон. Девушка показала ссылку, а главное название.

— «Омытая кровью», — протянула Анна Ивановна, — что ж, не зря похоже слухи про Верховодцева. Доказательств, конечно, не было. Но люди зря болтать не станут.

— И страница удалена, — сообщила Маша.

— Ясное дело, следы подчистил, когда правильным бизнесменом заделался, — авторитетно заявила Антонина Михайловна. Скворцовы удивленно повернули головы.

— А что смотрите? Я телевизор зря что ли смотрю, — тетя Тоня подбоченилась. — Схема-то известная. Кто в девяностые лихие денежки делал, тот в криминальных делах разного толка был замешан. А как новые времена наступили все захотели стать публичными персонами и биографию свою чуток облагородить. Удивительно, что статью-то они убрали, а ссылочку забыли. Недоработка. — Антонина Михайловна явно наслаждалась эффектом, который произвела.

Мария схватилась за часы. Вот-вот позвонит Андерс. Они договорились созвониться в «Скайпе», и Маша поспешно открыла программу. На экране квадратикам загрузилось лицо Берга. Он улыбался.

— Ну привет! Рассказывай, кого убила? — весело спросил полицейский.

— Андерс, никого я не убивала, — начала оправдываться Скворцова. Она нахмурилась, пытаясь вспомнить слова — устной практики шведского было маловато, да и криминальной лексики не хватало. Берг истолковал Машину гримасу по-своему.

— Ну шучу я, шучу, — развел руками Андерс, — рассказывай, что случилось.

Скворцова открыла рот, чтобы начать рассказ, но почувствовала дыхание на своей шее. Обернулась и увидела, что мама с тетей Тоней словно попугаи на жерди пристроились позади, пытаясь разобрать, о чем разговор. Андерс тоже заметил неожиданных собеседников и вежливо сказал «Hello. Do you speak English?» [1]

Машина мама отозвалась с достоинством:

— Yes, of course. [2]

Рядом чуть менее уверенно кивнула тетя Тоня.

— Ну, давайте, тогда по-английски, — предложила Маша, — чтобы не тратить время на перевод.

— Ну, рассказывай, — сказал Берг.

Скворцова начала. Андерс попутно делал заметки и задавал вопросы. Нервничал ли Стройко? Как у него на самом деле шли дела в бизнесе? Были ли у него враги? Историей с Верховодцевым Берг заинтересовался нешуточно. Тут пригодились воспоминания Машиной мамы о прошлом бизнесмена.

— Анна, — обратился Андерс к Анне Ивановке, — как думаете, сможете ли вы по старым знакомым разузнать о Верховодцеве чуть больше? Судя по всему, тип этот в городе должен быть все еще знаменит. Сможете? У вас, наверное, остались какие-то общие знакомые?

— Конечно, смогу, — отозвалась Анна Ивановна, — Тоня поможет и София, наша соседка, моя бывшая одноклассница.

— Отлично! — воскликнул Берг. — Вы только спрашивайте аккуратно, чтобы не вызвать подозрений. И ты, Мария, у меня без задания не останешься. Тебе нужно будет поговорить с этой Александрой и, по возможности, с женой Стройко, — русские имена и фамилии Андерс выговаривал с заметным трудом. — Разузнай, может, в частном разговоре он уже обмолвился о проблемах в бизнесе. Сдается мне, о Верховодцеве вряд ли он первый раз услышал от этой управляющей.

— Мария, а ты сама как думаешь, как твои отпечатки могла оказаться на ноже? — спросил Андерс уже серьезнее.

— Ты знаешь, я уже все передумала. Ума не приложу. Нож я не трогала в Ратуше, я слышала только как он звякнул об пол, когда я Стройко потрогала.

— Интересно. Было бы хорошо узнать, конечно, чьи отпечатки еще найдут на ноже. Этот Виктор сможет нам сказать об этом?

— Думаю, сможет, — Анна Ивановна качнула головой. — Он Семена друг, обещал держать в курсе.

— Больше нам пока и не надо. Оснований тебя задержать у полиции нет, как только узнаем больше о других отпечатках, сможем сузить список подозреваемых. Что скажете, дамы, завтра в это же время созвонимся? Ты, Мария, пиши мне, держи в курсе, — Андерс Берг раздал всем деловито задания, словно они были сотруниками его команды на еженедельной летучке.

Женщины в один голос согласились. Распрощавшись с полицейским, они выключили компьютер. Маша задумчиво посмотрела в окно. За тревогами она и не заметила, что наступил вечер, на улицах зажглись фонари. Разговор с Бергом заставил ее снова испытать надежду. Надежду на то, что помимо дружеских отношений у них, несмотря на пандемию и невозможность видеться, могут возникнуть еще какие-то. Скворцова готова была поклясться, что Андерсу она нравилась. Но что с этим делать она решительно не знала.

Анна Ивановна заметила мечтательное выражение дочери. О полицейском с Аландских островов она слышала урывками, однако сразу поняла, что Маша в него влюбилась. По разговору он показался ей умным и обстоятельным, вполне подходящая пара для дочки. Одна беда — между ними больше тысячи километров и государственная граница почти на замке с обеих сторон. Не лучшая ситуация для двух влюбленных сердец.

Антонина Михайловна смотрела на обеих Скворцовых. Однако, ее каникулы повернулись совсем не так, как она ожидала. Она боялась признаться сама себе, что история с убийством казалась ей чрезвычайно привлекательной. У нее даже покалывало в пальцах от предвкушения — даже ей нашлось задание, с которым она непременно справится на все сто.

На секунду она забеспокоилась. Что скажет Игорек? Однако Антонина тут же отогнала от себя эти сомнения. Что скажет Игорек ей было неважно. Ей важно было вновь почувствовать себя живой.

Уговорившись встретиться вечером дома, разошлись каждая по своему делу. Анна Ивановна с Антониной отправились к Софье, чтобы вместе решить, как раздобыть побольше информации о Верховодцеве. Маша же решила отправиться в гостиницу и разузнать побольше у женщин, которых любил Петр Иванович Стройко.

В холле гостиницы было немногочисленно, и Скворцова сразу заметила Александру. Девушка понуро сидела с чашкой кофе за одним из столиков. Мария подошла сзади и сочувственно сжала плечо. Саша обернулась.

— А, это ты, — равнодушно сказала она. — Садись.

Маша села напротив, заказала каппутино.

— Александра, ну вы как? — начала она разговор.

— Как-как, хотела домой поехать, но участковый взял у меня подписку о невыезде. Теперь придется тут быть, пока не отпустят. А деньги заканчиваются. Представляешь, эта, — Александра скривилась, — заблокировала все Петечкины карточки. В том числе или, скорее в первую очередь, ту, что он на меня оформил. У меня своя карточка есть, конечно, но я ей и не пользуюсь никогда.

Александра горестно сжала руки и посмотрела на Машу, ища сочувствия. Скворцова ободряюще на нее посмотрела.

— Саша, а ты жену Стройко раньше видела? — спросила она у девушки.

— Видела пару раз. Петечка никогда не скрывал, что женат, — Александра покрутила в руках чашку. — Знаешь, а я ведь любила по-своему, но по-настоящему, — внезапно сказала Саша.

— Вначале началось, конечно, по-расчету я его охмурила. Знала, что женат: он не скрывал, да и другие говорили. Он, когда со мной начал встречаться, еще с несколькими крутил. С женой уже давно они жили отдельно. Она на даче в основном, он — в городской квартире. Он гулял от нее уже лет десять. В меня, думаю, Петя тоже влюбился, — Александра пристально посмотрела Маше в глаза.

— Мы с ним оказались похожи, — продолжала свой рассказ девушка, — он тоже из маленького городка, пробивался сам. И я тоже. Сама. Только, конечно, по-разному, — улыбнулась Саша. — На этом-то и сошлись мы. Я в свой Мухосранск после Петербурга, конечно, возвращаться и не думала, вот и искала вариант зацепиться. Работала то тут, то там, но без карьеры. А с Петей познакомилась, поняла, вот он — мой шанс. И я его стала обхаживать. Он, конечно, понимал все. Подарки дарил, в Италию возил. Все как надо. А потом смотрю, и вечерами ко мне зачастил после работы. Каждый день практически. Такая почти семейная жизнь у нас началась. Он мне и квартиру купил, сказал, что не хочет ко мне в Лефортово на съемную возвращаться каждый день. Так у нас свой дом появился, — Александра посмотрела в окно.

Мария молчала — боялась сбить внезапный поток откровенности. Она лишь кивала и инстинктивно положила руку на Сашину ладонь. Та легонько ее сжала и продолжила.

— Так мы и жили. Почти семьей, Петя только на выходные к жене ездил, да и то, только когда дети приезжали. Перед ними они с Людой фасад счастливого брака держали. Уверена, что они и знать про меня ничего не знают. А мне это и на руку было. Я себе с

самого начала приказала сильно к Стройко непривязываться, я думала побуду с ним год-другой. Накоплю побольше, и дальше буду жизнь строить. Но прикипела к нему. Да и он ко мне. Он меня и на работу устроил, чтобы у меня свои деньги были, чтобы я с ним не только по расчету была. Так и жили. Я старалась о жене его лишней раз не вспоминать. Наверное, у нее причина своя была закрывать глаза на двойную его жизнь.

— А пожениться вы собирались? — осмелилась спросить Скворцова.

— Скажем так, предложение мне Петечка сделал, я согласие дала, но замуж за него выходить я не собиралась, — вздохнула Александра.

— А отчего же? — удивилась Маша.

— Отчего согласилась или отчего не собиралась? — усмехнулась Саша. — Видишь ли, Петя детей больше не хотел, а я... Я еще молодая, родить хочу. Втайне беременеть, а потом удивленно хлопать глазами не по мне. А согласилась потому, что если б я ему отказала, то лишилась бы в миг работы и довольствия денежного. Квартира бы за мной осталась, конечно. Я настояла, чтобы Петя на меня ее оформил. Но сама понимаешь, я уже к определенному достатку привыкла. В «Пятерочку» за продуктами больше ходить не хочу.

Маша кивнула. Сама она, конечно, в «Пятерочку» заживала частенько, но не говорить же этого Александре, которая выбрала ее в наперсницы.

— А теперь вот всего и лишилась я, — заключила Саша. — Гостиница моя оплачена еще на четыре дня. А подписка о невыезде пока бессрочная. А мне и на работу уже надо, — махнула рукой девушка. — Еще мымра эта! Хотела, чтобы меня из отеля утром выгнали, но оплачено все, поэтому силы она не имеет. С карточкой, конечно, плохо вышло. Придется свои тратить. Мымра она и есть, — в сердцах воскликнула девушка. Немногочисленные гости ресторана в недоумении оглянулись на их столик.

— Саша, а ты как думаешь, кто Петра Ивановича мог убить? — аккуратно задала самый важный вопрос Мария.

— Да кто угодно, — беспечно ответила Александра. — У него на работе были вечные проблемы. Придет домой всегда только телом, руку от телефона не открывает и все время с кем-то говорит, говорит или переписывается. Бывало, что под ночь уже срывался и ехал на встречи какие-то, возвращался после них всегда чернее тучи. — Александра махнула рукой официанту и жестами попросила счет. — Убить, думаю, Петечку из-за работы и могли. У него все объекты рабочие, лакомые кусочки, все забронировано на месяцы вперед.

— А про Верховодцева он раньше знал что-то, как думаешь? — поинтересовалась Маша.

— Про Верховодцева он знал. Я уже фамилию эту пару раз слышала, но не думаю, что они были знакомый лично. — Маша удивленно посмотрела на Сашу. Та продолжила, — Всех друзей и недругов Петечки я знаю. Он меня уже давно вместо жены своей на ужины брал. Пару раз и отдыхать ездили с его партнерами. Верховодцева никогда ни на одном вечере не было.

Александра махом допила остывший капучино, достала из кошелька две сотенные купюры и положила их в папку со счетом.

— Ну, мне пора. В отеле СПА-зона есть. Если я уж застряла тут, то хотя бы за собой поухаживаю. Ты, если что, звони мне. Комната моя 502.

Девушка перекинула ремешок дорогой сумки через плечо и ушла. Мария осталась в легком недоумении. Александра производила двойственное впечатление. Вроде и скорбела она по убиенному Стройко, а вроде и с легкостью упорхнула чистить перышки, чтобы быть готовой к дальнейшей охоте. Сведения, которыми поделилась Александра, были

чрезвычайно полезными, но расширяли список подозреваемых. Если у Стройко на работе не клеилось, то убить его мог каждый, и Верховодцев мог вообще быть ни при чем.

Маша задумалась. А могла ли Александра сама и убить Стройко? Напрямую от смерти его она, конечно, ничего не выигрывала. Но что если Стройко со свадьбой давил? А она поняла, какую ошибку сделала, согласившись?

Она отправила краткий отчет Андерсу. Ответ пришел почти мгновенно. «Молодец. Хорошо бы узнать, было ли завещание. Поговори с женой». Маша смотрела на сообщение. Ответит он быстро, но написал только по делу. Никаких «услышимся», «позвони позже», не говоря уж о «целую». Тут же Скворцова себя одернула. Отпечатки ее пальцев неведомым образом оказались на ноже, которым закололи Стройко, а она грустит из-за того, что получает не слишком нежные сообщения.

Отель тем временем жил своей жизнью. Гости выезжали, на место них тут же прибывали новые. Сотрудники устало спрашивали паспорта, выдавали карточки от номеров вместе с маленьким путеводителем. Жизнь шла своим чередом, и Скворцовой было удивительно думать, что всего пару дней назад Стройко так же, как все, заселился в отель, получил карточку и путеводитель, и поднялся наверх, в свою комнату.

Среди людей, толпившихся у стойки регистрации, Маша заметила Людмилу Стройко. Она стояла чуть в отдалении и словно высматривала кого-то глазами. Скворцова попыталась поймать ее взгляд, но Людмила то ли случайно, то ли намеренно его избегала. Мария собралась с силами и подошла ко вдове.

— Людмила? — негромко обратилась она.

— Да?! — Людмила вопросительно-рассеянно скользнула глазами по Маше, — мы знакомы?

— Мы вчера вечером мельком виделись, я из компании «Фантазия», мы с Петром Ивановичем работаем... то есть работали над рекламой объектов в Сортавала.

— Ну, конечно, припоминаю. Вы меня простите, — искренне извинилась она, — у меня после вчерашних событий голова кругом. Это же Вы Петю нашли?

— Ну что вы, какие извинения, — ответила Мария, — да это я. У нас с ним встреча была назначена в старой Ратуше. Я и скорую вызвала, жаль, что я опоздала, приди я вовремя, застала бы убийцу!

— Ну что вы, — Люда грустно улыбнулась, — мы сами вершители своих судеб. Жаль, что Петина разрешилась вот так, — глаза Стройко увлажнились, и она на секунду замолчала.

— А вы меня искали? Наверное, о работе поговорить хотели? — продолжила Людмила. — Вы не будете против, если мы все деловые вопросы пока перенесем? Я в курсе почти всех дел Пети была, у нас же компания была на двоих, мы оба были владельцы. Про объекты я в Сортавала все знаю, но сейчас, поймите, нет мочи обсуждать дела. — Стройко сжала руки. Она выглядела такой хрупкой в своем горе. Старается, держится, но последние сутки дались ей нелегко.

— Конечно! Что вы, — оборвала ее Скворцова, — я хотела поговорить о Петре Ивановиче.

— О Пете? — удивленно вскинула ухоженные брови Людмила.

— Да, вы знаете, я его вчера нашла, — Стройко понимающе посмотрела на Машу, — и не могу остановиться думать о нем, о том, кто его убил. — Мария решила пока не говорить вдове, что на ноже нашли ее отпечатки.

— Знаете, — ответила Людмила, — я тоже об этом всю ночь думала и утро. С тех пор

как участковый позвонил. До сих пор не могу поверить, что Пети нет, — недоуменно покачала она головой. Может быть, хотите кофе выпить? — предложила Люда. — Время позднее, конечно, но если вам некуда спешить.

Кофе Скворцова пить больше не хотела: на сегодня она уже выпила достаточно, да и в кафе при отеле платить 450 рублей за чашку дурно пахнущего варева не хотелось, но упускать шанс поговорить со вдовой Стройко она не могла позволить, поэтому легко согласилась.

Женщины прошли в зал кафе и сели за тот же столик, где совсем недавно Мария беседовала с Александрой. Стройко заказала два капучино, и Маша уже заранее почувствовала, как болит желудок от кислоты, которую вот-вот принесет официант.

— Ну, что Вы хотели узнать про Петю? — поинтересовалась Людмила. Она смотрела на Машу чуть настороженно, не зная, чего ожидать от ее распросов.

— Людмила, вы не знаете, у Петра Ивановича были враги в бизнесе? — аккуратно начала Мария.

— Машенька, — снисходительно посмотрела на Скворцову Стройко, — конечно, были. Мы с Петей в бизнесе уже давно, больше тридцати лет. И за это время не нажать ни одного врага свидетельствовало бы лишь о том, что бизнесмены мы плохие. А мы очень хорошие.

— А можно поподробнее? — попросила Маша. — Вчера, например, управляющая сообщила, что объектами в Карелии интересовался некто Верховодцев.

— Верховодцев да, — задумчиво произнесла Людмила. — Он объектами нашими не только в Карелии интересовался, но и в Ленинградской области. Ему хотелось быть, так сказать, отельным властителем, — усмехнулась Стройко, — особенно сейчас. Люди за границу не ездят, Сочи и Краснодарский край под завязку забиты. А на севере еще спокойно.

— То есть, Стройко знал о том, что Верховодцев пытается его переиграть? — удивленно спросила Маша.

— Знал, конечно, и про Верховодцева и про всех других, — махнула рукой Людмила. — В нашем деле надо всегда ухо остро держать.

— Людмила, а вы говорите, что вы с Петром Ивановичем вместе работали, но, например, с нами только он в контакте был, мы даже в «Фантазии» и не знали, что у его фирмы есть совладелец, — осторожно спросила Маша.

Стройко высокомерно смерила ее взглядом.

— Машенька, я уже в своей жизни поработала достаточно, чтобы в ежедневную рутину не вникать. Теперь мне достаточно Пете только тыл обеспечить, а дальше он уж сам.

— А как же вы ему тыл обеспечивали, если сюда, в Сортавала, Петр Иванович с Александрой приехали, — Скворцова не хотела Людмилу провоцировать, но вопрос вырвался совершенно произвольно.

Стройко вся подобралась и посмотрела на Машу.

— Вы же понимаете, — начала она, — я прекрасно знала о всех Петиных похождениях. Он же мужчина, и мужчина привлекательный, — горькая гримаса исказила ее красивое лицо. — Он гулять начал сразу почти, я была первым нашим сыном беременна. Он погулял и вернулся, конечно, куда денется. — Людмила задумчиво посмотрела на обручальное кольцо. — Так мы и жили. Он уходил, иногда даже подолгу дома не появлялся. Детям я говорила, что папа в командировке, но всегда возвращался. В ногах прощения вымаливал. А я, конечно, прощала. Вначале любила, а потом уже времени стало жалко, и денег. Денег становилось все больше, а делить их ни мне, ни Пете не хотелось. Так и жили, — еще раз

повторила Людмила, — перед детьми всегда я его выгораживала. Они до сих пор, наверное, думаю, что папа постоянно в командировках пропадает.

— А развестись вы никогда не думали? — осторожно спросила Мария.

— Думала, конечно, особенно последние два года, как он с этой закрутил, — вздохнула Людмила. — С ней по началу у него было несерьезно. Так на раз-другой в Турцию съездить. Но потом чем-то взяла она его, не пойму только чем. Он дома почти перестал появляться. — Стройко замолчала и уставилась в одну точку.

Мария не торопила ее. За высокомерностью скрывалась хрупкая, не очень счастливая женщина, и Маше стало искренне ее жаль. За минуту лицо Стройко постарело. Сквозь аккуратный макияж проступили все морщинки и неровности. Предательские паучки вокруг глаз плели свою сеть вокруг усталых глаз.

— А месяца три назад, — заговорила вновь Стройко, — приехал на дачу ко мне, и такой весь елейный-елейный. Я уж грешным делом подумала, что мириться приехать. А он... представляешь, — перешла внезапно на «ты» собеседница, — а он развод приехал просить. И говорит мне, словно с барского плеча, мол я тебе дачу оставлю и довольствие денежное назначу, ни в чем не буду нуждаться. А ты свои пятьдесят процентов фирмы на меня перепиши да квартиру нашу городскую. А у нас между прочим, сто метров на Васильевском острове. Я ему, конечно, отказала в разводе.

Внезапно Стройко полностью поменялась в лице. В глазах проступили острые булавки, рот напряженно сжался, лоб нахмурился.

— Потом я подумала, — Стройко говорила совсем другим, отстраненным голосом, — а дам ему я развод, только поделим все по-честному. Пятьдесят на пятьдесят. Зря я что ли его выкрутасы столько лет терпела, — Люда обиженно посмотрела на Машу, — ну и сказала ему, что вот так и так. Развод твой, милый, только все по закону будет. А Петя мой любил закон обходить. Ему, конечно, такой расклад не понравился. Он не Абрамович далеко, но делить есть что. Уж поверь. — женщина доверительно посмотрела на Машу. Скворцова затаила дыхание. Неожиданная откровенность вдовы была ей на руку.

— Но Петя мой не промах был. Пригрозил, что если не соглашусь на его условия, он меня невменяемой объявит и без копейки оставит. Это даже хорошо, что он проговорился. Видимо, этот план он со своей любовницей продумал, — Люда сузила глаза, но злоба так и струилась из них, — И я пошла на опережение. Нашла адвоката, и мы вместе с ним мне психологическую экспертизу и назначили. Сама понимаешь, ее я прошла на отлично. — Стройко удовлетворенно поставила чашку на стол, собрала пальце невидимые крошки вокруг и посмотрела на Машу.

— Ну что смотришь, Машенька? Ты, наверное, не замужем, думаешь там медом намазано. А намазано только первые пару лет, если повезет, а потом уж либо ты либо тебя. Надо было мне раньше разводиться, когда еще не такие большие деньги на кону были. Теперь-то уж чего, — махнула Стройко рукой. — Овдовела я, — горько заключила женщина. — Вроде и жили плохо, а помер — и того хуже стало.

— Не просто помер, а убил его кто-то, — тихо отозвалась Мария.

— Убил, помер, все одно. Пети нет больше. А значит ни развода, ни дележа не будет. Вернее будет, но по завещанию.

— А у Петра Ивановича было завещание? — спросила Скорцова.

— Было, — утвердительно ответила Стройко, — и у меня, и у Пети. Мы одновременно его составили. Такой вот подарок на тридцатипятилетие совместной жизни сделали. Кто же

знал, что так быстро к нему обратиться придется. Я, признаться, надеялась, что он от это Саши, — Стройко в первый раз назвала соперницу по имени, — отстанет. Или она от него. Надеялась, что он ко мне вернется, и будем доживать. Как в Европе, знаешь, когда старички за ручку держаться да кофе с пирожными пьют. Я и вот и ждала, что под старость Петя нагуляется. А он... Он даже детей с этой хотел знакомить. Этого я допустить, конечно, не могла. — В глазах у Людмилы снова зажегся недобрый огонек.

— Заболталась я с тобой. Мне в полицию еще сегодня надо, и договориться тело перевезти. Я тебе свой телефон оставлю. Позвони мне на следующей неделе. Договоримся с тобой по делу. — Стройко взяла себя в руки, достала блокнот, красивым почерком записала номер телефона и передала бумагу Скворцовой. — И не волнуйся, если агентство ваше хорошо работает, продолжим сотрудничество. — Она ободряюще улыбнулась Маше.

Давая понять, что разговор окончен, Стройко подозвала официанта. Маша его узнала — это он со скучающим видом обслуживал их за обедом всего пару дней назад. Молодой человек передал папку со счетом Людмиле.

— Людмила Петровна, подойдите для оплаты на терминале за стойкой.

Стройко злобно глянула на официанта. Маша удивленно перехватила ее взгляд. Людмила ясно дала понять, что их разговор окончен. Скворцовой ничего не оставалось, кроме как поблагодарить ее за кофе и уйти.

Уже около выхода Маша обернулась — Стройко все еще недовольно смотрела на официанта, который с жаром ей что-то говорил около стойки.

Домой Скворцова решила пройтись. Вечера в феврале заметно длиннее. Солнце уже не норовит нырнуть за горизонт, едва показавшись. По улицам сновали люди, туда-сюда по делам. Им не было никакого дела до того, что в старой, почти разрушенной Ратуше, Маша нашла покойника. Не было им дела до самой Маши, которая размашистым шагом шла по знакомым улицам.

Мысли вертелись вокруг треугольника, в который угодил Стройко. Обе женщины — и жена и любовница — вызвали в Маше симпатию и жалость. Александра не скрывала, что в Стройко ее изначально привлекли деньги, но потом она, сама того не ожидая, прикипела к любовнику. Людмила всю жизнь провела на второстепенных ролях, перехватывая мужа от интрижки к интрижке. Каждая хотела счастья, так жизнь сложилась, что они хотели его от одного и того же мужчины. Александра, однако, не хотела на века оставаться с Петром. Оно и понятно — она совсем еще молоденькая, хочет и красивой жизни, и детей. Стройко ей подходил только для первой части плана, для второй ей нужен был кто-то более молодой. Маша задумалась. Каковы были шансы, что Саша решила избавиться от надоевшего любовника. Квартира у нее уже была, на место хлебное она была пристроена, денежные запасы, Маша в этом была уверена, у девушки тоже имелись. Шансы вовсе неплохие, ответила сама себе Скворцова. Вопросы вызывал способ убийства. Учитывая, что они жили вместе, куда проще было бы провернуть убийство дома и представить все как сердечный приступ.

«Что-от фантазия разыгралась, — одернула Маша сама себя, — главное, Андерс такие глупости не сболтнуть». Скворцова улыбнулась, вспоминая дневной разговор с полицейским. Он выглядел точно таким, как она его помнила с лета, только не таким загорелым. Что поделать, солнце в тех широтах зимними днями заглядывает так же редко, как и в Карелию. Во время разговора по скайпу она ненароком любовалась Бергом: волевой подбородок, пронизательные глаза, уверенные движения. Все время Маша ловила себя на

мысли, что больше всего хотела бы поговорить с ним наедине, даже вот так вот — через камеру. Но мама и Антонина Михайловна присоединились к разговору от любопытства: и к делу Стройко и, конечно же, к Андерсу. Анна Ивановна знала о знакомстве с полицейским слышала от дочери в общих чертах. Из деликатности деталей у Марии не спрашивала, из желания с кем-то обсудить — поделилась с Антониной. Конечно, случая поговорить с Андерсом вживую, хоть и через камеру женщины не упустили. Маша заметила, что Андерс смутился, но виду не подал. Разговор об убийстве больше вышел дружеский, если можно так сказать, чем деловой.

Размышляя о своих вроде бы несуществующих отношениях с Андерсом, Маша подошла к дому. Из окон лился теплый свет. В квартире Скворцовых кипела жизнь.

Едва Маша открыла дверь, она услышала громкие разговоры, смех. В гостиной было многолюдно. Тетя Тоня с мамой кружились вокруг плиты, Софья с братом сидели за столом и сосредоточенно что-то делали, Виктор Александрович свадебным генералом вновь сидел во главе стола. Перед ним стояла большая тарелка с самолепными пельменями, которые он уплетал за обе щеки. Семен Алексеевич первым заметил девушку, котоаря с удивление смотрела на всех.

— Маша, привет! А у нас новости! Наконец, хорошие! — он с триумфом посмотрел на окружающих. Виктор Александрович в подтверждение хмыкнул и отравил за щеку очередной пельмень.

— Маша, — прожевав, сказал Приходько, — пришла экспертиза из Петрозаводска. — На ноже там еще пальчики любовницы оказались. Поэтому она теперь у нас главный подозреваемый. Я за ней уже даже наряд отправил. — начальник убойного отдела продолжил трапезу. — Сейчас доем, — сказал он с разбитым ртом, — и поеду. Буду допрашивать ее. Думаю, расколется она быстро, — авторитетно заключил он.

— Как Сашины пальцы? — удивилась Мария, — у нее и не было повода Стройко убивать.

— Было или не было, скоро узнаем, — Приходько, смакуя, жевал, — ты, Маша, лучше бы радовалась, что с тебя мы подозрение сняли.

— А про орудие убийства узнали что-то? — поинтересовалась Скворцова. Виктор Александрович недовольный распросами строго посмотрел на девушку.

— Узнали-узнали, неугомонная твоя душа. Нож из гостиницы, где Стройко со своей любовницей остановился. Удары ножа хаотичные, девушка била наугад. В сердце, похоже, попала случайно. Если у нее будет хороший адвокат, то пойдет как убийство в состоянии аффекта.

— То есть убийца со стопроцентной вероятностью — женщина? — уточнила Маша

— Сто процентов тебе никто не даст, камер там не было, — начальник убойного отдела развел руками, — но сила ударов — женская. Да и повод, как мы думаем, у Александры это был.

— Какой повод? — удивилась Скворцова.

— Нам вдова убиенного, Людмила, прекрасная, между прочим, женщина, — Приходько мечтательно закатил глаза, — сообщила, что вечером муж ее клятвенно пообещал ей, что с Александрой покончено.

— Как — покончено? — поразилась Мария. Людмила ни слова ей не сказала об этом.

— Ну вот так, поиграл и хватит. Жена у него одна, и надо заметить, женщина хоть куда, — стало понятно, что Стройко поразила старого полицейского в самое сердце.

— А версию с Верховодцевым вы совсем не рассматривали? — Скворцова не могла поверить, что полиция на самом деле собирается обвинить Александру в убийстве.

— Про Верховодцева мы сегодня узнали много, Семён помог, — отозвалась Анна Ивановна. Она отвлеклась от кухонных дел и повернулась к дочери. — Думаем, он к убийству твоего Стройко непричастен.

Скворцова-старшая отряхнула руки и села за стол по правую сторону от Семена. Маша поразилась — до чего ладно они смотрелись рядом. Семен откашлялся и начал.

— Город у нас небольшой, и все друг друга знают не через пятое рукопожатие, как принято считать, а в лучшем случае через третье. Верховодцев в нашей школе учился, на несколько классов младше. Ну, да мама тебе рассказывала, — кивнул он в сторону Анны Ивановны. — Я с ним лично тоже знаком был, пару раз джинсы финские покупал по молодости. Один мой знакомый, так скажем, до сих пор с ним, как оказывается дела делает.

Семен сделал паузу. Собравшиеся молчали. Даже Приходько перестал жевать и слушал очень внимательно.

— Так вот этот знакомый с Верховодцевым в Петрозаводске работал, а потом и в столицу перебрался. И рассказал он мне, ничуть не краснея, что в Петрозаводске они на новых русских работали, крышевали. А по-простому если, держали в страхе мелких предпринимателей, появившихся в девяностые как грибы после дождя. Могли припугнуть, избить даже, но до убийств дело никогда не доходило.

— В столице, — продолжил Семен, — ребята наши решили честными бизнесменами стать. И деньги, полученные от криминального прошлого в Карелии, разными способами легализовывали: покупали базы отдыха, отели, рестораны. Только вот фирма их только формально маленькой конторой на Красных Воротах в Москве существует. Вся объекты их по России разбросаны. Много, конечно, и в Ленинградской области и в Карелии. Добывали все привычным, слегка разбойным способом. Деньги, конечно, продавцу без проблем на счет перечисляли, но каким образом продавец согласие на продажу давал — это уже другой вопрос. Кому компромат подкинут, у кого машину сожгут в устрашение. Но, и это мой знакомый подчеркнул не однажды, убийств за их компанией никогда не водилось. Он мне косвенно подтвердил, что базами Стройко Верховодцев интересовался. Их купить, что денежный проовод к банковскому счету подвести: забронировано все на несколько месяцев вперед, возле ремонт, базы сами себя, считай, продают. Но, опять же, мой знакомый подчеркнул это, договориться со Стройко хотели по-мирному.

Маша задумалась. Приходько весело хохотнул.

— Ну вот видишь, Марья-кудесница, Верховодцев тут ни при чем. Как говорится, шерше ля фам, или ищите женщину. И мы ее нашли, — торжествующе заключил начальник убойного отдела. — Что скажешь, если седина в бороду, то и отвечать надо. Только кто ж знал, что она от него так решит отделаться.

Виктор Александрович вздохнул. Его большое тело на секунду обмякло. Домашние затихли.

— Вот так вот, — негромко сказала тетья Тоня, — был человек и нет. Нашел себе приключения на старости лет.

Мария посмотрела в окно. Нет, все-таки ладно все рассказал Приходько. Но что-то не складывалась мозайка. Не могла же Александра нагнать Стройко в Ратуше и убить. Или могла? А откуда взялся нож из гостиницы? Слишком много вопросов, на которые начальник убойного отдела ответов не знал и, похоже, искать не собирался. Краем глаза она заметила,

что Виктор Александрович уже одетый стоял в прихожей и раскланивался с мамой.

— Ну, пора мне. Через час Александру-красу привезут, будем допрашивать, — на прощанье он махнул всем рукой. Входная дверь за Приходько тихо закрылась.

Жизнь в дачной квартире Скворцовых пошла своим чередом. Семен с Софьей долепили второй противень пельменей, которые Анна Ивановна ловко укладывала в морозилку. Тетя Тоня рядом замешивала тесто на следующую партию. Для всех дело закончилось и разрешилось. Маше больше ничего не угрожает.

Мария закрылась в спальне от шумной компании на кухне, ей необходимо было подумать. Она пыталась в малейших деталях вспомнить разговор с Александрой. Как ни крути, не тянула Александра на убийцу. Она скорее бы нашла себе нового спонсора и только потом порвала бы отношения со Стройко. И именно порвала бы, а не убивала. Хоть и любила она своего Петечку, но на преступление страсти чувств у Саши было маловато.

«Шерше ля фам», как сказал Приходько. Догадка внезапно озарила Машину голову. Она взяла телефон и позвонила Андерсу.

[1] Англ. «Здравствуйте. Вы говорите по-английски?».

[2] Англ. «Да, конечно»

Людмила Стройко поднялась в свой номер. Неразбранный чемодан лежал открытым настеж на полу, на столе кое-как раскинуты вещи. Ее и Петины. С отвращением она посмотрела на косметичку, кинутую в мусорный ящик. Гадливая девка забыла ее, когда Люда со скандалом выбрасывала вещи любовницы за порог.

Стройко посмотрела на себя в зеркало. Вздохнула, прошла массажными движениями по скулам. Вздохнула снова. После этой поездки ей понадобится больше, чем просто массаж лица, для восстановления былой ухоженности. Люда усмехнулась собственному отражению. Вот теперь ты совсем одна, совсем.

Она поняла, что брак с Петей, первым красавцем курса, будет нелегким почти сразу. Через неделю после свадьбы соседки доверительно сообщили ей, что днем в их квартиру ходит красивая блондинка с длинными ногами в коротком мини. Стройко сразу поняла о ком речь — блондинка была ее лучшей подругой, соседкой по парте еще со школы. Неделей ранее она в качестве свидетельницы выдавала Людочку замуж, поднимала бокал за здоровье молодых и желала долгих лет совместной жизни. Люда стерпела. Не выносить же сор из избы — только поженились, да и животик у нее становился все заметнее. В день выписки из роддома Петя заявился принимать жену с сыном слегка навеселе с большим букетом цветов. Уже дома он упал на колени перед Людочкой и обещал, что последний раз она из-за него страдала. Супруга простила неверного, но с подругой общение прекратила и проследила, чтобы и муж с ней больше не общался.

С годами подруг у Люды становилось все меньше. Рано или поздно каждая из них оказывалась в ее постели. Стройко брезгливо меняла белье, обнаружив на подушке наглый рыжий, светлый или темный волос. После каждого такого раза скандал, который она закатывала становился все тише, а под конец стала и вовсе тихо терпеть. Поначалу верила Пете — уж больно правдоподобно он каялся. Потом денег стало больше, внезапно — очень много. Дела шли в гору, и чтобы обезопасить себя и бизнес, половину Петр Стройко переписала на жену. Людмила теперь стала позволять себе больше, выглядеть лучше, дом полная чаша. Ради такого, малодушно решила она, можно и потерпеть адюльтер. Да и Петя со временем остепенился и утихомирился — новых любовниц выбирал не из ближнего круга, который теперь составляли именитые бизнесмены и их семьи, а подбирал себе девушек помоложе, неискушенных. Возил их пару раз в Турцию или Египет. Вот и все отношения. Стройко новые правила игры приняла. В ее новом кругу ухоженные жены относились к таким увлечениям своих мужей с понимаем. После каждой такой поездки она восторженно показывала своим знакомым колечко или кольцо, блестящее дорогим бриллиантом. Те догадливо склоняли головы и восхищались новым приобретением.

Однако пару лет назад Петр нарушил их с Людмилой молчаливый договор. Он свозил Александру в Турцию, Грецию, в Италию. Его отпуска с ней становились все длиннее. Через полгода начала их романа Люда нашла в портфеле мужа договор о покупке квартиры на имя Александры Васильевны Стоговой, 1990 года рождения. Людмила ахнула — так далеко Петр еще не заходил. Людмила выследила Александру в Гостином дворе — девушка крутилась перед зеркалом, выбирая новые наряды для путешествия. Петр не потрудился даже скрыть от Люды новую поездку, на их дачный адрес пришли красочные проспекты об отдыхе в

Хорватии. Волна ненависти захлестнула женщину, глядя на свежее личико и подтянутую фигурку соперницы.

Надо было подумать. Петр же продолжал вести себя как ни в чем не бывало. Только на даче появлялся совсем изредка — максимум раз в месяц. Как повинность отсиживал ужин с детьми и покидал дом сразу же, как сыновья с семьями садились в машины. Людмила оставалась один на один со своими страхами и вечерами вглядывалась в окно в надежде, что Петр вернется. В попытке вернуть мужа она похудела на десять килограммов — со спины можно за девушку принять. Да и с лицом поработала — выглядела Люда моложе своих лет, со всех сторон так и сыпались комплименты. Петр же изменений в своей жене не замечал, скользя равнодушным взглядом по ее лицу в моменты встреч.

Несколько недель назад произошло совсем уж непредвиденное. Петр приехал на дачу в неурочный день, с цветами и тортом «Север», который Людмила любила с молодости. Сел напротив нее на кухне и в первые за долгое время посмотрел прямо в глаза. Люда приободрилась — каются приехал. В этот-то раз, конечно, сразу она его не простит: его роман слишком затянулся, одним колечком тут не отделаешься. Стройко в ожидании смотрела на мужа, прикидывая, что можно получить контрибуцией за похождения.

— Людочка, — начал Петр, — ты знаешь, что между нами разное было, но ты всегда была моим тылом, сыновей наших вырастила.

Людмила с достоинством кивнула.

— Сейчас, думаю, пора тебе на покой, — огорошил муж, — подадим на развод. Ты, наверное, уж знаешь, я — влюбился. Конечно, знаешь, ты меня как свои пять пальцев за все время выучила. Разведемся, и будем жить — каждый своей жизнью, с сыновьями тоже будем видеться.

Люда ошарашенно посмотрела на мужа.

— Как — разводиться? — не поверила она.

— Ну, — начал объяснять супруг, — как все разводятся. Ты не волнуйся, я человек честный, да и заслуги твои умалять не буду. Дача тебе отойдет, и деньги кое-какие. Квартиру городскую и компанию я себе, конечно, оставлю. Мне и жить где-то надо да и в бизнесе ты ничего не понимаешь.

Мозг Людмилы лихорадочно соображал. Ситуация развивалась стремительно и совсем не по плану. Нужно было собраться. И сделать это нужно очень быстро.

— Петя, — спокойно ответила Люда, — мы с тобой уже почти 36 лет вместе. Стоит ли так рубить с плеча? Ради молоденького увлечения?

— Ради увлечения не стоило бы, конечно, а ради любви чего не сделаешь, — развел руками муж. — Пойми меня, Людочка, я Сашу люблю. А тебя больше — нет.

Стройко молчала и смотрела на Петра. Вот тебе и контрибуцию получила.

— Петя, а ты как это решил, что после 35 лет жизни совместной я только на дачу соглашусь и на денежное содержание? Сколько ты там мне определил? Тысяч десять-пятнадцать? Чтобы Сашеньке твоей больше досталось? — резко спросила Людмила.

— Ах вот ты как заговорила, — растянулся неприятной улыбкой Петр, — а ты, Людочка, когда в последний раз на работу ходила? В 1995 году? Когда последний раз делами фирмы интересовалась?

Людмила затихла. Разговор принимал уж совсем неприятный оборот. Петр продолжал.

— Посobie денежное я тебе хорошее выплачу, не обижу. Хватит тебе. На все твои нужды хватит. Придется, конечно, прижаться — не будешь каждый месяц сумки новые

покупать. А что ты так смотришь? — посмотрел Стройко на жену, — Как потопаешь — так и полопаешь, работать надо было, милая моя, а не дома сидеть.

Стройко обиженно смотрела на мужа. Казалось, тот в тумане новой влюбленности забыл их прежние договоренности.

— Люда, — продолжил Петр, — я тебе советую соглашаться. Лучше решим все полюбовно. А то хуже будет.

— Как это — хуже? А сейчас что ли — хорошо было? — сузила глаза Людмила.

— Сейчас — очень хорошо. Будешь рыпаться, я тебя недееспособной объявлю и помещу в дом терпимости. Тогда уж точно можешь забыть и о даче, и деньгах.

Люда переваривала услышанное — такого развития событий она не предполагала.

— Петя, мы с тобой женаты 36 лет почти были. Любой суд половину мне отдаст. Как нажитое совместно.

— Людочка, — елейно сказал уже почти бывший супруг, — ты думаешь, что не смогу я на суд управу найти. Вот что, краса моя, тебе на раздумье даю неделю по старой памяти. Если и потом будешь артачиться — буду действовать.

Петр допил чай, встал из-за стола. В дверях он обернулся к ней.

— Как только формальности все уладим, я парней наших к нам с Сашей в гости позову. С внуками. Ну, бывай.

Стройко смотрела из окна, как муж садился в машину. День повернулся совсем не так, как она рассчитывала.

Людмила устало закрыла глаза. Что ж, дело разрешилось так или иначе. Она теперь вдова. От неожиданного осознания этого из глаз брызнули слезы. Стройко поддалась чувству, упала на жесткую отельную кровать и разрыдалась.

Скворцова ехала на такси в полицию. Она тревожно смотрела на часы. Разговор с Андерсом затянулся. Вполне возможно, Александра уже задержана, а Стройко с удовольствием дает показания против любовницы своего мужа. Нужно было спешить.

В участке ее встретила уже знакомая девица.

— Скворцова, а мы вас вроде не вызывали? — Она безучастно посмотрела на Машу.

— Вы меня нет, но я бы хотела Виктора Александровича вызвать.

— Приходько? — удивилась девушка. Она мотнула головой и поправила безукоризненные локоны. — А он сейчас Стогову допрашивает.

— Я как раз по поводу Стоговой.

Модная красавица удалилась в зеленый масляный коридор. Мария села на неудобный стульчик для немногочисленных посетителей и оглянулась. Несколько человек томились в ожидании то ли приема, то ли чего-то еще. Все равнодушно смотрели друг на друга, никто не разговаривал. Час был поздний, а отделение полиции — не самое лучшее место для знакомств. Постукивая каблуками, вернулась модная полицейская.

— Комната 20, будете там ждать вместе со Стройко. Она пришла показания давать.

В казенном кабинете было накурено. Людмила сидела за щербатым столом и держала в руках сигарету. Она удивленно посмотрела на Скворцову.

— Маша, а вы что тут? Тоже показания давать?

Маша коротко мотнула головой и села напротив. Она попросила у Стройко сигарету и неловко затянулась. Последний раз курением она баловалась еще на последнем курсе

университета. В застенчивой попытке понравится симпатичному аспиранту, который все свои свободные часы проводил в курилке, Скворцова сама начала курить. Каждый день, выходя на своей остановке, она покупала пачку, из которой на следующий день выкуривала от силы две сигареты. Остальными она щедро угощала своего возлюбленного: тот был красив, интеллигентен, но отчаянно беден, и с удовольствием пользовался добротой полноватой студентки. Однажды из окна аудитории, из которой отлично просматривался курительный угол, Маша увидела, как ее желанный друг самозабвенно целуется с ее одноклассницей, прогуливавшей лекцию. Это положило конец ее краткосрочной дурной привычке, связанной с неудавшейся влюбленностью.

Женщины сидели в молчании. Маша затянулась слишком сильно и закашлялась.

— Сейчас кашлять при людях лучше не стоит, — сдержанно улыбнулась Стройко.

— И убивать их тоже не стоит, — дерзко ответила Маша. — Людмила Петровна, вы зачем мужа своего убили? Не хотелось на пенсии разведенной быть?

Стройко надменно подняла брови.

— Машенька, ты о чем таком говоришь? Петю эта его любовница заколола. Александра, — имя соперницы Людмила произносила с отвращением.

— Александра ни при чем. Конечно, она поступила не совсем красиво, когда увела его из семьи. Петр Иванович как послушный телок пошел за ней — молодой и красивой. Конечно, я вас понимаю. Но убивать? Не проще ли было все решить в суде? — Маша затушила сигарету в банке, служившей пепельницей.

— Милая, ничего ты не докажешь. Доказывать здесь нечего. Петя решил вернуться в семью, у нас с ним многое пройдено, а эта его красавица с таким поворотом дел была не согласна. Вот и убила его, старого дурня, в порыве. А я его предупреждала, что добром это его увлечение не закончится.

Людмила отвернулась от Маши и отрешенно уставилась в окно.

— Думаю, Людмила Петровна, дело развивалось вот так. Вы прекрасно знали, что Петр Иванович в Сортавала поедет с Александрой, и спланировали все заранее. Вы приехали чтобы поставить его перед фактом, что развод вы ему давать не намерены. Во всяком случае на его условиях. Вы предполагали, конечно, что Стройко на это не пойдет, но и подумать не могли, что она даже с вами в комнате спать откажется. Вы же хотели его в постели заколоть, и представить все так, словно одержимая ревностью Александра пробралась в комнату и убила любовника. Предполагаю, что Петр Иванович после нашей встречи в Ратуше собирался обратно в гостиницу. Но не в тот номер, где его ждала законная супруга, а в номер этажом выше, где он разместил Сашу. Подальше от вашей истерики и скандала.

— Какая занимательная история. Вы долго ее придумывали, Машенька? Не зря вы в «Фантазии» работаете, — Стройко смотрела на Скворцову, подперев рукой подбородок. Еле заметно на ее виске билась маленькая жилка. Женщина слушала Марию очень внимательно.

Скворцова не обратила внимание на едкий комментарий.

— О том, что ночевать Петр Иванович будет у Александра, он сказал вам уже перед уходом. Действовать вам было нужно быстро. Вы выскользнули вслед за мужем и настигли его уже в Ратуше. Там темно, свет уже лет десять как не подведен. Пришлось бить наугад, много и часто, чтобы наверняка. Петр же наверняка узнал вас, даже в темноте. Все-таки больше 35 лет женаты вы были.

Стройко молчала. Красивый рот опустился уголками, руки скомкали пачку сигарет.

— Узнал, — оскалилась Людмила. В тусклом свете ее лицо отдавало зеленоватым, в

цвет стен, оттенком. Морщины ясно выделились, глаза лихорадочно блестели, — конечно, узнал. Старый козел. А во всем она виновата, эта его проститутка! — она стукнула по столу в отчаянии.

— Маша, Машенька, ты бы слышала, что он мне говорил. Вначале в гостнице, потом в Ратуше. Что я стала бесцветная, что я стала старая. Что женился он на мне только потому, что партия я была хорошая. Что ни дня он меня не любил, никого не любил до этой его... — Людмила обессиленно подняла руки. — Он хотел сыновей моих! Моих, понимаешь! Которых я выносила, вынянчила, вырастила одна — он всю жизнь по чужим постелям скакал, с этой прощмандовкой познакомиться. Ввести ее в мою семью, в семью, ради которой я отказалась от собственной жизни. — Стройко смотрела на Машу вызывающе. Женщина отбросила приличия и пальцами выковыривала недокуренные бычки из банки. Она достала один, довольно длинный и неслушающейся рукой щелкнула зажигалкой.

— Но ты, Маша, ничего не докажешь. На ноже и твои отпечаточки имеются, поэтому на твоём месте я бы поостериглась кого-то обвинять, — Людмила угрожающе погрозила пальцем Марие.

— Я, может, ничего не докажу, но официант из отеля уже в соседней комнате дает показания. Как вы его нашли, когда узнали, где Петр Иванович будет останавлиться, какое задание дали, и как нож вчера он вам передал, — Маша отчаянно блефовала. Она старалась выглядеть уверенно, но голос предательски дрожал.

Людмила не заметила Машиной шаткости.

— Да кто ему поверит, он же бывший наркоман. Мало ли что ему мерещится, — махнула рукой Люда.

— Всякое может мерещиться, — согласилась Мария, — но деньги, что вы ему со своего счета на свой отправили, самые настоящие, в банке зафиксированные. Да и сообщения ваши с мобильного, хоть и стертые, в памяти у телефонной компании остались.

Людмила бессильно откинулась на спинку стула.

— Мать честная, Марья-искусница, хоть зови тебя в наш убойный отдел работать, — в дверях массивной фигурой стоял Приходько и в ошеломлении смотрел на Стройко. Вдова закрыла лицо руками, обмякла телом и упала на пол.

Анна Ивановна держала Семена за руку. Она смотрела на него с гордостью. Вместе им удалось справиться с заданием, которое дала ей дочка.

После того, как Мария прыгнула в такси до участка, Анна Ивановна, Софья и Антонина погрузились в машину к Семену. Галдеж стоял невероятный, поэтому Семен время от времени приходилось построжее смотреть на попугаев, чтобы те притихли. Сам он в это время рулил и пытался дозвониться до своего знакомого. Того самого, который с Верховодцевым имел дела.

До гостиницы, в которой останавливался Стройко, доехали быстро. У входа их уже ждал здоровяк в теплой кожаной куртке. Он тепло обнял Семена.

— Сергей, — коротко представился он женщинам, смотревшим на нового знакомого с некоторым недоумением.

Компания, получившая подкрепление в виде бывшего рэкетира, а ныне бизнесмена, зашла сквозь крутящиеся двери. Анна Ивановна по описанию сразу вычислила официанта, о котором говорила ей дочка. Молодой человек откровенно скучал и смотрел на часы, дожидаясь окончания смены. Она указала Сергую на юношу, тот улыбнулся и решительно отправился к нему.

Спустя десять минут служить послушно последовал за Сергеем. Он шел рядом, понурился головой и даже не оглядываясь на окрики старшего. Около выхода рэкетир тепло обнял Семена, коротко глянул на женщин. Работника ресторана поместили в машине на заднем сидении, аккуратно зажатый между Софьей и Антониной. Те не спускали с него глаз, молодой человек головы так и не поднимал.

В участке их уже ждал Приходько. Он сразу же надел на официанта наручники и провел его в камеру. В соседней уже томилась вдова Петра Ивановича Стройко. Людмила смотрела на маленький кусочек темного неба в окне под потолком. Сквозь решетки видны были редкие звезды, которые уже светили не для нее.

Из участка Мария решила пойти пешком. Стоял легкий мороз. Зима никак не хотела уходить, но в воздухе уже чувствовалось неумолимое приближение весны. С дороги она позвонила Андерсу и рассказала ему о своем триумфе в полиции. Тот довольно цокал на другом конце провода, Скворцова смеялась.

— Знаешь, Мария, я бы очень хотел тебя увидеть еще раз.

— Господин полицейский, думаю, это можно устроить.

Больше книг на сайте - Knigoed.net